

ОЛЕГ БЕЛОВ

СМЕХОТВОРНАЯ КОМАНДА

Говорящий котёл

Олег Белов

Смехотворная команда

«Автор»

2026

Белов О.

Смехотворная команда / О. Белов — «Автор»,
2026 — (Говорящий котёл)

Закипающее утро в Башне Элрика — это когда маг с дырой на спине сыплет соль в молоко, говорящий котёл грозит забастовкой, а бывшая крыса с шестью щупальцами перелистывает «Некромантию для чайников». Эта разношёрстная команда, включающая молчаливую эльфийку-следопыта, великана с бородой-тайником и друида, который разговаривает с камнями, ещё не знает, что заказ на «деликатную проблему» обернётся погоней, предательством и неожиданным знакомством с существом, чьё хрюканье изменит всё. Остроумное, тёплое и безумное фэнтези о том, как вера в магию момента способна превратить сборище чудаков в семью, а самую нелепую команду — в героев, которых никто не ждал. Если вы любите «Стражу! Стражу!» и «Цвет волшебства», готовьтесь встретить новых друзей — они нелепы, громогласны и отчаянно нужны друг другу.

© Белов О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: «День, который не задался с первого чиха»	9
Глава 2: «Лаборатория на горе и существо, которое хрюкнуло»	14
Глава 3: «Лесные приключения»	21
Глава 4: «Таверна „Три голодных кабана“ и искусство маскировки»	28
Глава 5: «Встреча у колодца, или Человек, который помнил огонь»	39
Глава 6: «Лихорадка, сны и драконья чешуя»	47
Глава 7: «Черный Купец делает первый ход»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Белов

Смехотворная команда

Пролог

Утро в Башне Элрика традиционно не задалось. Солнце, которое только-только продрало глаза через единственное немытое окно гостиной, уже пожалело об этом, но было поздно — представление началось.

— Говорун, ну чего ты кипятишься? Я же по инструкции! — Элрик, маг тридцати пяти лет от роду и пяти минут от последнего пробуждения, стоял посреди кухни в робе, надетой задом наперёд. В одной руке он сжимал пакет с солью, в другой — ложку, которой только что попытался размешать молоко, не прекращая сыпать в него соль.

— Я не кипячусь, я в ужасе закипаю! — возмущённо залязгал крышкой медный котёл на плите. — Ты сыплешь соль В МОЛОКО! Ты понимаешь, что каша, которую ты собрался варить, будет мечтать только об одном — чтобы её скорее съели и забыли этот кошмар?!

— Но в рецепте было написано «посолить по вкусу»! — Элрик нахмурился, глядя в пустоту, словно видел перед собой ту самую поваренную книгу. — И вообще, главное — вера. Магия, каша — всё работает на вере.

— А по вкусу кого? Демонов подземных? — Крышка подпрыгнула от негодования. — Вера у него! В прошлый раз ты верил, что гоблин продаёт тебе драконью чешую, и где теперь твоя вера? Вместе с последними медяками в кармане того мошенника!

— Это была чешуя от рыбы, которую дракон съел на завтрак триста лет назад, — раздался задумчивый голос из тёмного угла. — А драконы, как известно, не переваривают чешую, поэтому она выходит... э-э-э... естественным путём. Интересно, если собрать такую чешую и снова скормить дракону, получится ли замкнутый цикл?

Из угла, куда никогда не попадал свет (потому что Элрик забывал его туда направлять), высунулось нечто. У нечто было три глаза (два обычных и один на лбу, который сейчас мечтательно смотрел в потолок), синевато-серая кожа, слабо фосфоресцирующая в полумраке, и шесть длинных щупалец, которыми оно перелистывало сразу три книги: «Кулинария для начинающих магов», «Некромантия для чайников» и «Атлас звёздного неба».

— Крысислав, — простонал Говорун тоном, каким говорят с любимым, но невыносимо надоедливый родственником, — во-первых, доброе утро. Во-вторых, не развивай эту тему, у меня и без того крышка шатается. Иди лучше книжку почитай про тишину.

— А есть такая? — Крысислав обрадованно выпучил все три глаза. — Я не видел! А где она лежит? В разделе философии или магии? А можно мне её найти?

— Я её скоро точно напишу, — буркнул котёл и снова принялся колдовать над кашей, которую уже начал варить самостоятельно — благо молоко ещё не успело окончательно свернуться. От его медных боков шёл ровный уютный жар, а по кухне поплыл умопомрачительный запах, который мог примирить с жизнью кого угодно.

В этот момент в гостиной бесшумно материализовалась фигура. Лира, эльфийка-следопыт, появилась из ниоткуда, как это умела делать только она. На её абсолютно лысой голове, покрытой замысловатыми тёмно-синими татуировками, блестели капли утренней росы. В руках она держала двух жирных куропаток, аккуратно связанных за лапки.

— О, Лира! — Элрик обрадовался, как ребёнок. — С добычей! Говорун, смотри, будет к каше мясо!

Лира молча положила куропаток на стол, скользнула взглядом по Элрику (робу он так и не переделал), по Крысиславу, который теперь пытался одним щупальцем погладить книгу по

корешку, а другим — помешать кашу в Говоруне, и едва заметно покачала головой. Никто, кроме Говоруна, не заметил, как уголок её губ дрогнул в намёке на улыбку. Котёл понимающе брякнул крышкой.

Идиллия рухнула в тот момент, когда входная дверь содрогнулась от мощного удара.

— Эй! Открывайте, там! — пророкотал голос, от которого с полки упала книга «Эльфийский этикет: том первый».

— О, а вот и будильник пожаловал, — прокомментировал Говорун. — Сейчас о дверной косяк стукнется. Лбом. Или бородой.

Дверь распахнулась. На пороге, подсвеченный восходящим солнцем, стоял Торвальд. Огромный, под два с половиной метра ростом, он занимал собой весь дверной проём, но этого ему показалось мало — он ещё и попытался шагнуть внутрь с гордо поднятой головой.

Раздался глухой стук, и Торвальд замер. Его знаменитая борода, растущая, кажется, ото- всюду, от подбородка до лопаток, зацепилась за торчащий из косяка гвоздь, который Элрик три года назад собирался использовать для таблички «Добро пожаловать».

— Ай, чтоб тебя, — спокойно, без тени раздражения сказал Торвальд, наклонился, высвобождая бороду, и вошёл. В бороде, как всегда, что-то блестело — пара медяков, сухарь и, кажется, перо попугая. — Доброе утро. Чем пахнет? Кашей? Дайте угадаю: Элрик снова пытался проявить инициативу?

— Спас я вашу кашу, — проворчал Говорун. — В который раз. Садитесь за стол, сейчас доварится.

Торвальд плюхнулся на лавку, которая жалобно скрипнула, но выдержала — она уже привыкла.

— А Финн где? — спросил Элрик, снимая наконец робу и надевая её правильно — или почти правильно, потому что теперь один рукав оказался вывернут наизнанку.

— Финн в подвале, — подал голос Крысислав, не отрываясь от книг. — Он говорит, что кролики прорыли сеть тоннелей под башней. Он с ними разговаривает. У них там совет старейшин.

Из подвала, ведущего в кладовую и неизвестно куда ещё, показалась лохматая голова Финна. В волосах у него застряла земля и колосилась травинка, а на плече сидел важный дождевой червяк.

— Всё сложно, — сообщил Финн задумчиво, выбираясь наружу и отряхивая колени. — Они не просто роют. У них там демократия. Обсуждают стратегию расселения. Говорят, под кухней глина особенная, для нор в самый раз, а под кладовкой — сплошное разочарование, одни камни. И ещё они просили передать, что если мы продолжим хранить морковь в деревянном ящике, они могут обидеться. В смысле, ещё сильнее.

— Кроличий совет, — хмыкнул Торвальд в бороду, которая тут же попыталась нырнуть в его миску с кашей, которую Говорун уже начал разливать. — Хорошо хоть не военный.

— Пока не военный, — уточнил Финн, отламывая кусочек мха от каменной стены и с хрустом отправляя его в рот. — Но обещали подумать.

Говорун, наблюдая за этой картиной, тяжело вздохнул, издав звук, похожий на «Эх, пропади всё пропадом». Но кашу продолжил разливать — ровными порциями, с профессиональной точностью. Крысислав помогал щупальцами, одновременно умудряясь держать ложку, переворачивать страницу «Некромантии» и зарисовывать схему кроличьих тоннелей на полях книги. Торвальд поглаживал бороду, извлекая из неё засохший кусочек вчерашнего ужина и отправляя в рот — не пропадать же добру. Элрик сиял, глядя на свою разношёрстную команду и чувствуя, как сердце наполняется теплом.

— Говорун, — сказал он мечтательно, принимая миску с дымящейся кашей, — а ведь когда-нибудь о нас напишут книги. «Элрик Великий и его отважная команда».

— Напишут, — проворчал котёл, пододвигая миску Лире. — «Элрик Неудачник и его говорящая кастрюля». Тираж — три экземпляра. Один съедят кролики.

— Ты просто ворчишь, потому что не веришь в магию момента, — улыбнулся Элрик.

— Я ворчу, потому что ты до сих пор не зашил дыру на спине, и я вижу твои кальсоны, — парировал Говорун. — Вот это, между прочим, момент. Магический. Со стороны спины.

Элрик оглянулся, пытаясь рассмотреть собственную спину, запутался в рукаве и чуть не уронил кашу.

— Дыра? Какая дыра? Я её зашью! Обязательно зашью! На днях!

— «На днях» — это уже третий год, — напомнил Говорун.

— Время — понятие относительное, — нашёлся Элрик.

— А почему оно относительное? — немедленно встрепнулся Крысислав, и его третий глаз засветился любопытством. — От чего оно зависит? От скорости? А если я побегу вокруг башни, время замедлится? А если побегут все вокруг башни, мы все замедлимся? А если...

— Крысислав, — перебил его Торвальд, — ешь давай. Время, оно знаешь, как топор: махнёшь — и нет его. А если махать без толку — только устанешь.

— Мудро, — кивнул Финн, отправляя в рот очередную порцию мха. — Камни говорят то же самое. Только другими словами. Они вообще не очень разговорчивые.

Лира, которая всё это время молча ела, вдруг подняла глаза и посмотрела на Говоруна. В её взгляде мелькнуло что-то тёплое — почти благодарность.

— Хорошая каша, — сказала она тихо.

Говорун поперхнулся паром.

— Ну... спасибо, — пробурчал он смущённо. — Старался. Хотя некоторые тут пытались испортить молоко...

— Я же по инструкции! — обиженно воскликнул Элрик.

— По инструкции надо было сначала прочитать, что написано мелким шрифтом, — отрезал Говорун. — А там, между прочим, примечание: «Соль добавлять в конце, иначе молоко свернётся». Но кто ж читает примечания? Только Крысислав, и то потому, что у него шесть рук и одной всё равно делать нечего.

— Я читаю! — гордо заявил Крысислав, и его щупальца радостно зашевелились. — Я всё читаю! Даже то, что написано на донышке у Говоруна! Там, между прочим, выгравировано: «Не забывай помешивать». И ещё маленький значок — похоже на улыбку.

— Где?! — Говорун попытался заглянуть себе под днище, но, будучи котлом, потерпел неудачу. — Никогда не замечал...

— Я думал, это ты специально сделал, чтобы было веселее, — пожал плечами Крысислав.

Говорун замолчал. Если бы котлы могли краснеть, он бы покраснел. Но он только прикрылся крышкой и буркнул:

— Ешьте давайте. Каша стынет.

За столом воцарилась та особенная тишина, какая бывает только среди своих — когда слова не обязательны, потому что и без них всё понятно. Торвальд доедал третью порцию, поглядывая в окно на проплывающие облака. Лира, покончив с едой, принялась бесшумно начищать кинжалы. Финн задремал, прислонившись к стене, и над ним тихо жужжали благодарные жуки. Крысислав щупальцем дорисовывал кроличью карту на полях книги. А Элрик просто сидел и улыбался.

— Говорун, — позвал он тихо.

— Чего? — настороженно отозвался котёл.

— Спасибо. За кашу. И за то, что ты есть.

Говорун издал звук, похожий на «Пф-ф-ф», но крышку приоткрыл — так, самую малость — чтобы впустить лучи утреннего солнца.

— Ладно, — сказал он наконец. — Живите пока. Но если кто-нибудь ещё раз полезет с солью в молоко, я устрою забастовку. Устрою и буду стоять в углу, пока не извинитесь. Я серьёзно. Я котел с принципами.

— С характером, — поправила Лира, не поднимая глаз от кинжала.

— С принципами и характером! — согласился Говорун. — Древний артефакт, между прочим. Мог бы стоять в музее, а не варить кашу каждое утро для кучки оболтусов.

— Скучно в музее, — заметил Торвальд, выковыривая из бороды крошки. — Пыльно. И драться не с кем.

— А тут у тебя драки? — фыркнул Говорун. — Тут у тебя кролики под полом и мох на стенах. Экстрим.

— Жизнь, — философски изрёк Финн, не открывая глаз. — Она везде. Даже в музее. Особенно в музее. Я как-то разговаривал с одним экспонатом... каменным топором. Он много чего рассказал. Про мамонтов, про древних охотников... Интересный был собеседник. Правда, немногословный.

— Каменный топор рассказал про мамонтов, — повторил Говорун. — Ну конечно. А моя бабушка — сковородка — вообще легенды слагала. Ладно, уговорили. Живите. Но соль больше не трогать!

— Обещаю, — торжественно произнёс Элрик, прижимая руку к сердцу. — Я буду сыпать соль только тогда, когда Говорун разрешит.

— Это когда рак на горе свистнет, — буркнул котёл, но уже беззлобно.

Солнце тем временем поднялось выше и теперь заливало кухню золотистым светом. Пылинки плясали в лучах, Крысислав светился в такт своему хорошему настроению, а где-то внизу, под полом, кроличий совет продолжал обсуждать стратегические планы на будущее.

Глава 1: «День, который не задался с первого чиха»

Солнце, которое утром так героически пробивалось в единственное немытое окно, к обеду окончательно охрипло от попыток согреть эту странную компанию и теперь просто висело в небе, тускло освещая кухню, больше похожую на поле боя между порядком и творческим беспорядком.

Торвальд сидел за столом, мрачно уставившись в свою тарелку. Вернее, в то, что когда-то было тарелкой, а теперь напоминало поле боя его бороды с борщом.

— Ну всё, — прогудел он тоном, каким обычно объявляют о начале конца света. — Я не выдерживаю.

Могучая длань потянулась к кастрюле, которую Говорун поставил в центр стола перед своим утренним демаршем. Котёл дёрнулся, но промолчал — у него тоже был обеденный перерыв.

— Торвальд, может, не надо? — встревоженно спросил Элрик, который наконец-то надел робу правильно (рукава оказались на месте), но теперь мучительно размышлял, почему сапоги жмут на правую ногу, если он надел их на левую.

— Надо, Элрик. Борщ надо есть, пока он тёплый. Это закон.

Торвальд зачерпнул половником густую, наваристую массу и налил себе в миску. Запахло чесноком, свеклой и чем-то таким родным, отчего у Лире дрогнула рука, и она чуть не порезала зайца не по инструкции.

— А вот интересно, — подал голос Крысислав, не отрываясь от книги «Анатомия дракона, или как стореть заживо». Щупальце, которым он ел, машинально отправило ложку борща в рот, а другое щупальце в этот момент пыталось погладить Торвальда по бороде, изучая её структуру. — Если борщ горячий, а борода — это, по сути, волосы, то почему она не сворачивается, как белок в яйце? Или сворачивается? Торвальд, у тебя борода когда-нибудь сворачивалась?

— Не сворачивалась, — спокойно ответил Торвальд, наблюдая, как кончик его бороды, словно живой, уже нырнул в тарелку и вышел оттуда красным. — Она только впитывает. Как губка. Но не спрашивай меня, куда потом всё девается.

— Вопросы метаболизма, — глубокомысленно заметил Финн, сидящий на полу у стены. Он отковырял кусочек мха, растущего между камнями, и с хрустом отправил его в рот. — У мха, кстати, тоже метаболизм интересный. Он может спать сто лет, а потом проснуться и сказать: «О, а где все? Динозавры ещё есть?»

Лира, сидевшая напротив, молчала. Она вообще говорила редко, предпочитая выражать эмоции кинжалами. Сейчас она идеальными, выверенными движениями разделявала двух утренних куропаток. Нож входил в мясо, как в масло, отделяя филе от костей с хирургической точностью.

— Лира, — нарушил тишину Элрик, — а почему ты мясо режешь, а не жаришь? Мы же есть хотим.

Эльфийка подняла на него холодные глаза, и в этом взгляде читалось всё: от «какой же ты дурак» до «я тебя прирежу этим же ножом, если не заткнёшься».

— Я режу, чтобы жарить, — ответила она так тихо, что пришлось прислушиваться. — Мясо должно быть готово к плите. А плита должна быть готова к мясу. Это философия.

— У всего есть философия, — кивнул Финн, довольно жуя мох. — Даже у этого мха. Он, например, считает, что люди слишком много суетятся. Мох не суетится. Мох растёт. И ему хорошо.

— Мху хорошо, — проворчал Говорун, который после обеда решил, что имеет полное право немного поучить уму-разуму подрастающее поколение. — А ну-ка, Крысислав, иди сюда.

Крысислав, услышав голос «учителя», радостно подскочил, забыв про книгу. Все шесть щупалец зашевелились в предвкушении новых знаний.

— Иди, иди, — Говорун приоткрыл крышку и строго посмотрел на существо. — Скажи-ка мне, друг мой щупальцеватый, сколько раз тебе говорить: щупальца — это не игрушка! Это инструмент! Ими нужно уметь пользоваться!

— А я умею! — обрадовался Крысислав и, чтобы доказать это, одним щупальцем подхватил книгу, вторым — ложку, третьим — кусок хлеба, четвёртым — начал делать вид, будто гладит кота, которого в комнате не было, пятым — почесал бороду Торвальда (тот даже не обернулся), а шестым — попытался помешать борщ в кастрюле, из которой Торвальд только что налил себе добавку.

— Стоп! — рявкнул Говорун. — Это что сейчас было? Ты зачем в кастрюлю полез? Там же общая еда!

— Но ты же сказал — пользоваться! — Крысислав выпучил все три глаза. — Я пользуюсь!

— Пользоваться — это значит делать полезные вещи! — Говорун аж закипел от возмущения (в переносном смысле, потому что огонь под ним давно погас). — А мешать борщ в чужой кастрюле — это диверсия! Это подрыв устоев! Это, в конце концов, негигиенично!

— А почему негигиенично? — немедленно спросил Крысислав, и его третий глаз засветился любопытством. — Потому что у меня щупальца не мытые? А если я их вымою, то можно будет мешать? А если я вымою, но перед этим почитаю книгу про плесень, то микробы с книги переползут на щупальца или они обидятся и убегут?

Говорун издал звук, похожий на предсмертный хрип старого паровоза.

— Лира, — позвал он слабеющим голосом, — убей меня кто-нибудь. Я котел, я не должен столько страдать.

Лира, не поднимая глаз, метнула один из кинжалов, который воткнулся в стену ровно в двух сантиметрах от Говоруна.

— Ты слишком ценный, — сказала она спокойно. — Будешь жить.

— Это не жизнь, это кара небесная, — вздохнул котёл, но крышку прикрыл — от греха подальше.

Торвальд тем временем доедал уже третью порцию. Его борода, вымазанная в борще, свекольного цвета, свисала с края стола, и с неё капало на пол. Финн задумчиво смотрел на эти капли.

— Интересно, — сказал он, — если борщ попадёт на мох, мох станет вкуснее? Или мох огорчится, что его поливают не дождём, а едой?

— Финн, — простонал Элрик, который наконец понял, что сапоги всё-таки перепутаны, и теперь мучительно стаскивал их с ног, сидя на полу, — не начинай. У меня и так голова болит.

— А почему у тебя голова болит? — тут же подключился Крысислав, забыв про Говоруна. — Ты вчера читал некромантию? Она всегда вызывает головную боль. Там написано, что если неправильно произнести заклинание, у тебя может вырасти второй нос. А если правильно — третий глаз. Как у меня! Только у меня нос один. Это хорошо или плохо?

Элрик открыл рот, чтобы ответить, но понял, что не знает, что сказать. Он посмотрел на Торвальда. Торвальд пожал плечами (вместе с бородой). Посмотрел на Лиру. Лира точила второй кинжал. Посмотрел на Финна. Финн разговаривал с мухой на потолке.

— Скучно, — вдруг сказал Элрик, глядя в окно на проплывающие облака. — Скучно-то как, братцы.

Торвальд оторвался от тарелки.

— Что значит «скучно»? Мы только пообедали.

— Ну, пообедали, и что? — Элрик вскочил, наступив босой ногой на сапог, который так и не снял до конца, и чуть не упал, успев схватиться за посох, стоящий в углу. Посох, как обычно, не оценил инициативы и больно стукнул хозяина по лбу. — Ай! Спасибо, друг. Вот

видите! Даже посох бьёт от безделья! Нам нужно дело! Подвиг! Приключение! Белый конь, чтоб я на нём... ну, ездить не умею, но красиво бы смотрелся!

— Ты на лошадь залезть не можешь, — напомнил Говорун. — В прошлый раз ты пытался оседлать козу, думая, что это пони. Коза до сих пор в шоке. Пастухи говорят, она отказывается давать молоко и пишет мемуары.

— Это была ошибка идентификации! — отмахнулся Элрик. — Но я чувствую! Чувствую, что где-то там, за горизонтом, нас ждёт великое дело!

— Или великая гибель, — философски заметил Торвальд, вытирая рукавом бороду. — Но вообще, он прав. Сидеть на месте — спина затечёт. А у меня спина большая, её затекать надолго нельзя — потом не разогнётся.

В этот момент в открытое окно влетело нечто чёрное, каркающее и крайне недовольное жизнью.

— Кар-р-р! — заявило нечто, приземляясь прямо на стол, в крошки от хлеба.

Это была ворона. Самая обычная, если не считать того, что на лапке у неё болтался крошечный кожаный мешочек, а болталась бечевка с пергаментным свитком, свёрнутым в трубочку.

— О! — обрадовался Элрик. — Почта! Я же говорил! Судьба нас не забыла!

Ворона каркнула ещё раз, бросила свиток на стол и уставилась на собравшихся блестящим чёрным глазом. Потом она перевела взгляд на пуговицы на робе Элрика и требовательно каркнула в третий раз.

— Чего это она? — не понял маг.

— Оп-ла-та, — по слогам произнёс Говорун. — Ты думал, почтовые голуби бесплатно работают? А это ворона. Она ещё и наглее. Видишь, на пуговицы смотрит?

Лири, не говоря ни слова, достала из кармана горсть блестящих медных пуговиц, которые она срезала со старой куртки Торвальда (тот не заметил, он вообще ничего не замечал, когда речь шла о куртках). Она положила их на стол.

Ворона деловито пересчитала пуговицы, ссыпала их в свой мешочек, довольно каркнула и вылетела в окно, даже не попрощавшись.

— Наглость — второе счастье, — прокомментировал Говорун. — А первое — карман на лапке. Ну, читай давай, герой.

Элрик развернул свиток. Его глаза забегали по строкам.

— Так, так... Заказ... Интересно... Оплата золотом? Ого! Торвальд, смотри, тут написано: «Требуется отважная команда для решения деликатной проблемы».

— Деликатная проблема, — хмыкнул Торвальд. — Обычно это значит, что там или дракон, или нечисть, или соседи, которым не нравится, что мы ходим мимо их огорода.

— Нет, тут другое! — Элрик подпрыгнул от восторга. — Тут написано: «В деревне Нижние Поддубки пропадают тени. У жителей пропали тени! Предположительно, их украл местный некромант-любитель, который хочет сшить из них плащ-невидимку». Понимаете? Тени! Мы должны вернуть людям тени!

— Украденные тени, — повторила Лири, и в её голосе впервые за день мелькнул интерес. — Забавно.

— Сшить плащ из теней, — задумался Финн. — А тени — они же не материальны. Как их шить? Это же всё равно что шить из воздуха. Или из снов. Я как-то разговаривал с тенью одного дуба. Она сказала, что быть тенью — почётно. Тень дуба — это почти дуб, только плоский.

— Некромант-любитель, — Говорун аж подпрыгнул на плите. — Это ж надо! Додуматься — тени воровать! А почему не души? Или не носки? Носки, между прочим, воровать проще. Они маленькие, в карман влезают.

— Говорун, не ворчи! — Элрик сиял. — Это наш шанс! Мы вернём людям тени, и нас назовут героями!

— Тебя назовут идиотом, который сунулся к некроманту без плана, — поправил котёл.
— Но, впрочем, я согласен. Когда выходим?

— Сейчас! — Элрик заметался по кухне. — Все собираемся! Торвальд, проверь топор! Лира, наточи кинжалы! Финн, попрощайся с кактусом! Крысислав, пакуй книги! Говорун, собирайся, мы тебя берём!

— А меня-то зачем? — возмутился котёл. — Я котёл! Моё дело — кашу варить, а не по некромантам шастать! У меня крышка не начищена для такого случая!

— Ты наш талисман! — заявил Элрик, натягивая походные сапоги (снова не глядя, на какую ногу). — И потом, если что сварить надо будет, кто нам поможет?

— Если что сварить надо будет, значит, мы уже в глубокой... — начал Говорун, но закончить не успел, потому что Торвальд уже взял его в руки.

— Не брыкайся, — прогудел воин. — Пошли. Без тебя скучно.

Говорун издал звук, похожий на вздох обречённого, но крышку приоткрыл — так, на всякий случай, чтобы видеть дорогу.

Торвальд, кряхтя, нацепил перевязь с топором. «Целователь черепов» блеснул лезвием в луче солнца, и даже борода Торвальда, кажется, одобрительно шевельнулась. Лира бесшумно проверила каждый кинжал, после чего убрала их в ножны и накинула плащ. Финн подошёл к подоконнику, где в маленьком горшочке сидел колючий кактус.

— Держись, друг, — серьёзно сказал он, поглаживая колючку. — Я вернусь. Если не вернусь, ты главный тут. Смотри за мхом, ладно?

Кактус, разумеется, ничего не ответил, но Финн кивнул, удовлетворённый диалогом.

Крысислав метался по углам, собирая книги. Шесть щупалец работали с невероятной скоростью: одно запихивало «Некромантию для чайников» в рюкзак, второе — «Атлас звёздного неба», третье — «Кулинарию начинающих магов», четвёртое пыталось засунуть туда же «Энциклопедию ядовитых грибов», пятое гладило книгу по корешку, а шестое махало на прощание кактусу.

— Говорун! — крикнул Крысислав. — А там будут новые книги? А можно я спрошу у некроманта, как он тени ворует? А если он меня научит, я смогу украсть тень у дракона? А если у дракона нет тени, потому что он летает, то тень падает на землю? А если...

— Крысислав, — перебил Говорун устало, — положи всё, что нашёл, и иди сюда. И запомни: когда встретим некроманта, ты молчишь. Ты вообще ничего не спрашиваешь. Ты стоишь и смотришь на меня. Понял?

— А почему молчать? — удивился Крысислав. — Я же умный! Я книги читал! Я могу помочь!

— Вот именно поэтому ты и будешь молчать, — вздохнул Говорун. — Твоя помощь — это катастрофа. Ты нам нужен как отряд поддержки. Молчаливой поддержки. И щупальца убери, а то опять за всё схватишься.

— Какая же это поддержка, если молчаливая? — задумался Крысислав, но щупальца послушно свернул.

Наконец все собрались у двери. Торвальд, как всегда, застрял в дверном проёме бородой, но ловко высвободился — опыт. Лира уже стояла на улице, хотя никто не видел, как она выходила. Финн нёс в кармане жука на удачу. Крысислав светился от предвкушения (в прямом смысле — в темноте он всегда светился, когда волновался). А Элрик стоял в центре, с посохом в одной руке и картой в другой, и пытался понять, где верх, а где низ.

— Говорун, — сказал он мечтательно, — а ведь это отличное начало для будущей книги о наших приключениях.

— Ты помешался на этих книгах, — буркнул котёл из-под мышки у Торвальда. — Мы же уже выяснили, что такую дребедень никто читать не станет. Вот выйдешь на пенсию, от безде-

ля начнешь заниматься всякой ерундой, тогда и напишешь свои мемуары, если ещё будешь в здравом уме. Я уже не говорю про здравую память.

— Ты просто не веришь в магию момента, — улыбнулся Элрик.

— Я верю в магию здравого смысла, — отрезал Говорун. — А её у тебя нет. Ладно, идём уже. Пока этот некромант все тени не перешил в шторы.

И компания вышла из Башни Элрика, чтобы отправиться навстречу приключениям, опасностям и, возможно, очень неловкому разговору с человеком, который решил, что чужие тени — это отличный материал для гардероба.

Солнце проводило их тёплым лучом. Из подвала донёсся приглушённый шум — кроличий совет перешёл к бурным обсуждениям стратегии на случай вторжения сверху. А в приоткрытое окно кухни залетел ветерок и шевельнул забытую на столе книгу «Эльфийский этикет: том первый», открытую на главе «Как правильно игнорировать тех, кто тебя бесит».

Жизнь в Башне замерла в ожидании. Ненадолго. До вечера. Когда все вернутся. Или не вернутся. Или вернутся, но не все. Или все, но не такими, какими ушли. В общем, стандартные ожидания для отряда, который возглавляет маг, надевший сапоги не на те ноги.

Глава 2: «Лаборатория на горе и существо, которое хрюкнуло»

Дорога к горе Вертун оказалась именно такой, какой и должна быть дорога к горе с таким названием — кривой, запутанной и с явным желанием сбросить путников в ближайшую пропасть при первой же возможности.

— А почему она Вертун? — Крысислав задал этот вопрос ровно семь раз за последний час, но никто не решался ему об этом сообщить, потому что щупальца у него были длинные и очень цепкие. — Потому что она вертится? Или потому что у того, кто на неё забирается, голова идёт кругом? Или потому что...

— Потому что если ты не заткнёшься, я начну вертеть тобой, — любезно пояснил Говорун из-за плеча Торвальда. Котёл путешествовал на специальном крючке, за который держался одной из своих ручек. — И выброшу вон в те кусты. Кстати, Финн, что это за кусты?

Финн, который шёл чуть поодаль и о чём-то увлечённо шептался с горным цветком, поднял голову. В его волосах, помимо традиционной травинки, теперь красовался целый букетик альпийских фиалок, а на плече сидели сразу два шмеля, которые, кажется, о чём-то спорили.

— Это кусты? — переспросил он, глядя в указанном направлении. — Нет, это не кусты. Это бабушка. То есть кусты, но они помнят бабушку. То есть они — это бабушка? Нет, бабушка — это я не про кусты. Я про шмелей. Один из них — бабушка. То есть дедушка. В смысле, он так думает, что он дедушка. А на самом деле он шмель. Но с богатым внутренним миром. А-а-а-а! Они меня запутали.

Говорун издал звук, который должен был означать «я ничего не понял, но мне уже страшно», но из-за того, что он пытался удержать в себе остатки супа, получилось «пш-ш-ш-буль-буль».

Торвальд, шагавший впереди с топором наперевес, даже не обернулся. Его борода, как всегда, жила собственной жизнью: сейчас она обвилась вокруг лямок рюкзака и, кажется, пыталась стащить оттуда сухарь, который Говорун припрятал на случай «когда этот великан опять проголодается».

— Эй, потише там, — прогудел воин, когда очередной камень покачнулся под его ногой. — Слышу воду.

— Где? — Элрик, который сзади отчаянно цеплялся за посох и за одно из щупалец Крысислава, высунулся вперёд. — Вода? Я пить хочу!

— Ты всегда хочешь пить, и не забывай смотреть под ноги, — заметила Лира, бесшумно скользившая где-то слева. Её появление из ниоткуда уже перестало пугать команду, но птицы до сих пор падали в обморок, стоило эльфийке приблизиться. Сейчас на её лысой голове блестели капельки пота, отчего татуировки казались особенно яркими, почти живыми.

— А почему он всегда хочет пить? — тут же включился Крысислав. — Это психосоматика? Или у него глисты? Я читал, что если у тебя глисты, ты всё время хочешь есть, а про питьё там ничего не было. Хотя если глисты хотят пить, то ты тоже хочешь пить, потому что вы же один организм? Или не один? А если глисты хотят, чтобы я пил, а я не хочу, то кто главный — я или глисты?

— Крысислав, — Торвальд остановился и медленно повернулся. Его борода замерла в предвкушении. — Видишь вон ту расщелину?

— Вижу! — обрадовался Крысислав, выпучив все три глаза.

— Если ты не замолчишь, я засуну тебя в неё. Вместе с глистами. И камнем сверху привалю. И там будешь думать, кто главный.

— А камни могут обидеться, — немедленно встрял Финн. — Камни, они общительные. Если сверху ещё камень положить, они могут подумать, что это подарок. Или наоборот — оскорбление. Надо спросить.

Он наклонился к ближайшему валуну и приложил ухо к его шершавой поверхности. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только пыхтением Элрика и отдалённым карканьем вороны.

— Молчит, — констатировал Финн, поднимаясь. — Обиделся. Или задумался. Или просто камень. С ними трудно.

— С вами трудно, — поправил Говорун, которому надоело висеть на одной ручке. Он ловко подпрыгнул на плече Торвальда и перехватился за крючок другой. — Со всеми вами. Элрик, бога ради, скажи, что мы уже пришли. Мои бока затекли, а я даже пожаловаться нормально не могу, потому что булькаю.

— По карте... — Элрик с трудом развернул пергамент, который тут же попытался улететь в пропасть, но был пойман щупальцем Крысислава. — По карте, нам ещё... ой.

— Что «ой»? — насторожился Говорун.

— Я её вверх ногами держал, — признался маг. — Мы, кажется, прошли нужный поворот... три часа назад.

Тишина стала зловещей. Даже шмели на плече Финна перестали жужжать.

— Три часа, — повторил Говорун голосом, каким обычно объявляют конец света. — Мы три часа карабкались по горе, рисковали жизнями, я чуть не выплеснул остатки супа, а ты... держал карту вверх ногами?

— Но там всё так похоже! — Элрик ткнул пальцем в пергамент. — Смотрите: тут гора, тут ещё гора, тут речка... ну откуда мне знать, где верх, а где низ?

— Обычно верх там, где небо, — любезно подсказала Лира, и в её голосе впервые за день мелькнуло что-то похожее на сарказм.

— А если я переверну карту, то небо станет низом! — нашёлся Элрик. — Это же философия!

— Я тебе сейчас устрою философию посохом по голове, — пообещал Говорун, но договорить не успел, потому что зайдя за ближайший скальный выступ вдруг увидел нечто необычное.

Нечто оказалось старым магом в белоснежном халате, который сидел на складном стульчике и пил кофе из фарфоровой чашки. Увидев компанию, он несколько не удивился, только вздохнул и поставил чашку на ровную поверхность камня, предварительно протерев его специальной салфеткой.

— А, явились, — сказал он голосом уставшего библиотекаря. — Я уж думал, вы к вечеру только доползёте. В прошлый раз, когда я нанимал отряд, они пришли ровно в полдень. Но те были гномы. Гномы, знаете ли, пунктуальны. А вы... — он окинул взглядом Элрика с его перепачканной робой, свекольную бороду Торвальда, светящегося Крысислава и Финна с цветами в волосах. — Вы вообще кто?

— Мы отважная команда искателей приключений! — гордо заявил Элрик, попытавшись принять героическую позу и тут же поскользнувшись на мелком гравии. Крысислав подхватил его тремя щупальцами сразу, четвёртым придерживая карту, пятым поправляя рюкзак, а шестым пытаясь дотянуться до чашки мага, потому что ему стало интересно, что там внутри.

— Кофе с молоком и лавандой, — сказал маг, ловко отодвигая чашку. — И печенье. Но печенье я вам не предлагаю, потому что оно особенное. Я - Альбертус, к вашим услугам.

Он встал и слегка поклонился. Халат на нём сидел идеально, ни пылинки, ни соринки. В отличие от робы Элрика, на которой после трёх часов пути красовались пятна неизвестного происхождения, пара дыр (одна старая, на спине, и одна новая, на рукаве) и засохший листок, который Финн, кажется, пытался посадить заново.

— Проходите в лабораторию, — Альбертус махнул рукой в сторону скалы, где вдруг обнаружилась аккуратная деревянная дверь с медной табличкой «Альбертус. Магия и порядок. Без стука не входить, в сапогах тем более». — Только разувайтесь. У меня там всё стерильно.

— Чего? — не понял Торвальд.

— Чисто, — перевёл Говорун. — Представляешь, бывают же чудачки, которые любят чистоту.

Лаборатория внутри оказалась именно такой, какой и должна быть лаборатория мага, помешанного на порядке. Всё блесело. Склепки стояли ровными рядами, подписанные каллиграфическим почерком. Книжки на полках были выстроены по цвету корешков и, кажется, по росту. На столе, накрытом белоснежной скатертью, красовался чайный сервиз и тарелочка с печеньем, которое слабо светилось в полумраке.

— Оно светится! — Крысислав тут же забыл про всё на свете. — Почему оно светится? Это магия? А если я его съем, я тоже буду светиться? А долго? А как выключить? А...

— Крысислав, — Говорун, которого наконец-то поставили нормально, строго постучал крышкой. — Мы в гостях. Веди себя прилично. И щупальца уберите от сервиза.

— Пусть трогает, — неожиданно разрешил Альбертус. — Всё равно это не настоящий фарфор. Настоящий я спрятал. А это — копия. Очень хорошая копия. Почти не отличить. Но если разобьёте, я, конечно, расстроюсь. Но не сильно.

— А зачем делать копию, если можно пользоваться настоящим? — спросил Элрик, усаживаясь на идеально чистый стул и тут же пачкая его.

— А затем, молодой человек, что настоящий фарфор легко бьётся, — наставительно поднял палец Альбертус. — А маги, которые ко мне приходят, они, знаете ли, неуклюжие. Особенно один. С робой, надетой задом наперёд. Я не говорю, что это вы, но намёк, надеюсь, поняли.

Лира, которая зашла последней и бесшумно прикрыла за собой дверь, осмотрелась с профессиональным интересом. Её взгляд зацепился за клетку в углу, накрытую тёмной тканью.

— Там? — спросила она коротко.

Альбертус проследил за её взглядом и вздохнул.

— Там, — подтвердил он. — Оно. Моя ошибка. Моя радость. Моя головная боль.

— Кто? — насторожился Торвальд, положив руку на топор.

— Увидите. Но сначала угощайтесь кофе. И печенье. Печенье обязательно, потому что оно успокаивает нервы. А они вам понадобятся.

Он разлил кофе по чашкам (всем, кроме Говоруна, которому налил в отдельную мисочку, чем невероятно тронул котел, хотя тот и не показал виду). Печенье и правда оказалось вкусным — рассыпчатым, с орехами и лёгким мятным привкусом. И оно действительно светилось, отчего в полумраке лаборатории лица присутствующих приобретали таинственное сияние.

— Так в чём задание? — спросил Элрик с набитым ртом. — Тени? Плащ-невидимка? Мы готовы!

— Какие тени? — удивился Альбертус. — Ах, это... Это я специально придумал. Отвлекающий манёвр. Чтобы никто не догадался, что задание на самом деле секретное.

— То есть тени никто не воровал? — разочарованно протянул Элрик.

— Воровали, конечно, — отмахнулся маг. — Но не у людей. У козлов. Там в соседней деревне местный некромант экспериментировал, украл тени у трёх козлов. Хотел проверить, можно ли из козлиных теней сделать приворотное зелье. Глупость, конечно. Козлиные тени для приворота не годятся, только для отпугивания. Но жители перепутали, написали в жалобе про людей, а я решил — почему бы и нет? Пусть все думают, что я занимаюсь козлами, а сам в это время...

Он многозначительно замолчал и подошёл к клетке в углу.

— А сами вы в это время занимаетесь вот этим, — закончил за него Говорун.

— Именно.

Альбертус сдёрнул ткань.

В клетке сидело нечто. Небольшое, размером с кота, покрытое мягкой серебристой чешуёй, которая переливалась в свете печенья. У нечто были огромные грустные глаза, два маленьких уха, которые постоянно дёргались, и короткий хвостик, которым оно нервно постукивало по полу клетки.

— Хрю-у-у, — сказала нечто жалобно. — Хрю.

Тишина повисла в лаборатории. Даже Крысислав, открывший было рот, чтобы задать пятьдесят вопросов, закрыл его и только выпучил все три глаза.

— Оно... хрюкает, — выдавил наконец Торвальд.

— Оно всегда хрюкает, — подтвердил Альбертус с ноткой гордости в голосе. — Поэтому я назвал его Хрю. Очень оригинально, да? Я вообще люблю простые имена. Вот у меня кот был — Рыжий. Пёс — Серый. А это — Хрю.

— А почему оно хрюкает, если оно не свинья? — спросил Финн, подходя ближе. — И почему у него глаза такие... такие...

— Такие, будто его только что обидели, а он уже забыл, за что, но всё равно грустно? — подсказал Говорун.

— Да! — обрадовался Финн. — Именно!

Хрю посмотрело на Финна своими огромными глазами и снова вздохнуло.

— Хрю-у-у...

— Оно разговаривает! — Крысислав не выдержал и бросился к клетке. Его щупальца заматались, пытаясь одновременно открыть дверцу, погладить существо и залезть в миску с едой, которая стояла рядом. — Можно я его потрогаю? Можно? А оно кусается? А чешуя тёплая? А почему оно грустное? А что оно ест? А можно я почитаю ему книгу? А...

— Крысислав, — Говорун рывкнул так, что с полки упала книга «Магия для идеалистов». — Отойди от клетки. Дай человеку объяснить.

— Магу, — поправил Альбертус. — Я маг. Человек — это слишком приземлённо.

— Дай магу объяснить, — поправился котёл.

Альбертус откашлялся, поправил халат и начал:

— Это существо — редчайший экземпляр. Называется «чешуйчатый хрюн». Водится в труднодоступных горах, питается росой и лунным светом, размножается... ну, это неважно. Главное — оно уникально. Последний известный науке экземпляр. И его нужно доставить в Город Магов, в Центр Изучения Редких Существ.

— А почему вы сами не доставите? — подозрительно спросил Говорун.

— Потому что за мной следят, — понизил голос Альбертус. — Чёрный Купец. Слышали о таком?

Торвальд, который как раз доедал третье печенье, поднял голову.

— Чёрный Купец? — переспросил он. — Тот, что скупает редкости для тёмных ритуалов?

— Он самый. — Альбертус вздохнул. — Он уже два раза пытался проникнуть в мою лабораторию. Один раз переоделся горным козлом, другой — доставщиком пиццы. Хорошо, что пиццу я не заказывал, а козлы у меня все на учёте.

— А почему он именно за Хрю охотится? — спросила Лира, которая всё это время молча наблюдала за существом.

— Потому что из чешуи хрюна, если её правильно перемолоть, получается сильнейший эликсир бессмертия. — Альбертус понизил голос до шёпота. — Ну, не совсем бессмертия. Продления жизни лет на пятьдесят. И ещё из неё делают зелье невидимости. И приворотное. И вообще почти всё, кроме яичницы. Для яичницы чешуя хрюна не годится, проверено.

— Так это ж сокровище! — Элрик вскочил, снова забыв, что сидит на стуле, и едва не опрокинул чайный столик. — Мы согласны! Мы доставим! Мы сэкономим! Мы...

— Мы подумаем, — перебил Говорун. — Элрик, сядь. Ты напугал хрюна.

Хрюн и правда поджал хвостик и забился в угол клетки, глядя на Элрика с ужасом.

— Хрю-у-у, — жалобно протянуло оно.

— Извини, маленький, — Элрик тут же сник. — Я не хотел. Я просто... ну, приключение же! Настоящее!

— Приключение, — хмыкнул Говорун. — Тащить зверушку через полстраны, прячась от какого-то Купца, который, между прочим, может оказаться могущественным некромантом или кем похуже. Это не приключение, это... это работа. Но работа оплачиваемая?

Последний вопрос был адресован Альбертусу.

— Разумеется, — маг достал из кармана халата увесистый мешочек и бросил его на стол. Золото приятно звякнуло. — Это аванс. Остальное — по факту доставки. И ещё... — он замялся. — Если сможете, привезите мне немного того сыра, что делают в Городе Магов. Из козьего молока, с плесенью. Очень люблю, а тут не купишь.

— Сыр с плесенью, — Финн оживился. — А плесень живая? Я могу с ней поговорить?

— После, — отрезал Говорун. — Сначала дело. Давай сюда клетку.

Крысислав, который всё это время не сводил глаз с Хрю, вдруг осторожно просунул одно щупальце между прутьями. Существо испуганно дернулось, потом принялось и... лизнуло щупальце.

— Оно меня лизнуло! — заорал Крысислав на всю лабораторию. — Лизнуло! Я ему понравился! Смотрите!

Хрюн, словно подтверждая, снова лизнуло щупальце, а потом довольно зажмурилось.

— Хрю, — сказала оно уже не жалобно, а вполне удовлетворённо.

— Оно улыбается! — Элрик растрогался до слёз. — Говорун, ты видишь? Оно улыбается!

— Вижу, — буркнул котёл. — Очередной подкидыш. Только этого нам не хватало для полного счастья. Ладно, забираем. Но кормить его будешь ты, Крысислав. И убирать за ним — тоже ты.

— Я согласен! — Крысислав чуть не светился от счастья ярче, чем печенье. — Я буду за ним ухаживать! Я ему книжки буду читать! Я научу его разговаривать! Он уже умеет хрюкать, это первый шаг!

— Второй шаг — научить его молчать, — проворчал Говорун, но крышку приоткрыл и осторожно заглянул в клетку. Хрюн посмотрел на него своими грустными глазами и тихонько пискнул. — Ладно, — смягчился котёл. — Живи пока. Но если обгадишь мои бока, выкину в окно.

— Говорун, ты же добрый! — умилился Элрик.

— Я не добрый, я старый и уставший, — отрезал котёл. — И между прочим, древний артефакт, а не нянька для хрюкающих сестств.

Лира подошла к клетке и молча осмотрела Хрю со всех сторон. Существо под её взглядом сжалось, но не убежало. Эльфийка кивнула сама себе — видимо, одобрила.

— Хороший зверь, — сказала она коротко. — Не шумный.

— Он хрюкает! — напомнил Крысислав.

— Это не шум, это музыка, — отрезала Лира, и никто не понял, шутит она или нет.

Альбертус тем временем упаковал клетку в специальный чехол, который не пропускал свет и, по его словам, «делал хрюна невидимым для магического поиска».

— Только не кормите его после полуночи, — предупредил он напоследок. — И не мочите в воде. И не читайте ему вслух некромантию. От некромантии у него портится характер и чешуя выпадает.

— А что ему можно читать? — немедленно спросил Крысислав, достав из рюкзака сразу три книги.

— Сказки, — подумав, ответил Альбертус. — Или поваренные книги. Он любит рецепты. Особенно с картинками.

— Я понял! — Крысислав спрятал некромантию и достал «Кулинарию для начинающих магов». — Хрю, смотри, тут пирог! С яблоками!

— Хрю! — заинтересованно отозвалось существо, прижимаясь мордочкой к прутьям.

— Ну вот, — Говорун вздохнул. — Теперь у нас не только говорящий котёл и бывшая крыса с щупальцами, но ещё и хрюкающий чешуйчатый питомец. Осталось только дракона завести для полного комплекта.

— А что, дракон — это идея! — оживился Элрик. — Вот бы нам дракона! Белого! Как конь, только с крыльями!

— Элрик, — голос Говоруна зазвенел сталью. — Если ты ещё раз произнесёшь слово «дракон» в моём присутствии, я устрою забастовку. Пожизненную. Буду стоять в углу и ржать. Ты понял?

— Понял, — вздохнул маг. — Но ведь это красиво...

— Красиво была бы зашита у тебя дыра на спине, — парировал котёл. — И то только потому, что я на неё смотреть устал. Ладно, идём. Солнце уже к закату, а нам ещё спускаться с этой дурацкой горы.

Команда попрощалась с Альбертусом (который на прощание вручил им ещё одну коробку печенья, теперь уже не светящегося, а обычного, с корицей) и вышла из лаборатории.

Спуск оказался легче подъёма — во-первых, потому что Торвальд знал дорогу, во-вторых, потому что Крысислав всю дорогу читал Хрю кулинарную книгу, и существо слушало, затаив дыхание и изредка одобритительно похрюкивая.

— Хрю, — сказала оно, когда Крысислав дошёл до главы «Секреты идеального теста».

— Вот видишь! — обрадовался бывшая крыса. — Ему нравится! Он понимает!

— Он хочет есть, — буркнул Говорун. — Как и все мы между прочим. Торвальд, у тебя в бороде ещё остались сухари?

Торвальд пошарил в бороде, извлёк оттуда засохший кусок хлеба, половину вчерашней котлеты и, кажется, маленького жучка, который тут же перебрался к Финну на плечо.

— Держи, — сказал он, протягивая котлету котлу. — А то совсем озвереешь без еды.

— Я не озверею, я окислюсь, — проворчал Говорун, но котлету принял и даже не стал уточнять, сколько дней она пролежала в бороде.

Лира шла чуть поодаль, но теперь время от времени оглядывалась на клетку с Хрю. И если бы кто-то очень внимательный присмотрелся, он бы заметил, что уголки её губ слегка приподнимаются всякий раз, когда существо довольно хрюкает в ответ на очередной рецепт.

— Знаешь, Говорун, — мечтательно сказал Элрик, когда они уже почти спустились, — а ведь это отличное начало для новой главы в книге о наших приключениях. «Элрик Великий и таинственный хрюн».

— «Элрик Неудачник и очередная проблема на его голову», — поправил котёл. — Тираж — полтора экземпляра. Один съест хрюн.

— Ты просто не веришь в магию момента, — улыбнулся Элрик.

— Я верю в магию горячего ужина, — отрезал Говорун. — И если мы не найдём место для ночлега до темноты, этот момент наступит очень некстати. С голодными и злыми.

— А мы не злые! — возразил Крысислав. — Мы добрые! Правда, Хрю?

— Хрю! — подтвердило существо.

— Вот видишь!

Говорун только вздохнул. Его крышка чуть приоткрылась, выпуская прохладный вечерний воздух, и котёл подумал о том, что, наверное, в музее было бы спокойнее. Но, с другой сто-

роны, в музее не было бы этого дурацкого, безнадёжного, но такого тёплого чувства, которое возникало всякий раз, когда он смотрел на свою разношёрстную команду.

— Ладно, — буркнул он. — Живите пока. Но если хрюн начнёт светиться в темноте, я спать не лягу, пока не выясню, почему. И всем вам тоже не дам.

— А он уже светится! — радостно сообщил Крысислав, указывая на клетку, из которой и правда исходило слабое серебристое сияние.

— Почему?!

— Наверное, потому что наелся светящегося печенья, — предположил Финн. — Я же говорил, что его нельзя просто так есть. Оно магическое. Теперь Хрю будет светиться до утра. А может, и дольше. Интересно, он сможет светом дорогу освещать?

— Сможет, — вздохнул Говорун. — Теперь у нас живой фонарь. Хрюкающий. И чешуйчатый. Прекрасно. Просто прекрасно. Элрик, я же говорил — ты нас впутываешь в очередную историю!

— Но это же здорово! — Элрик сиял ярче, чем хрюн. — Нас ждут приключения, Говорун! Настоящие!

— Нас ждёт ночёвка в лесу, холодный ужин и куча проблем, — поправил котёл. — Но ты прав в одном — это точно будет история. Кошмарная история. Для моих бедных нервов.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и отряд продолжил путь в сгущающихся сумерках, освещаемый мягким сиянием из клетки и слабым фосфоресцирующим свечением Крысислава, который от радости светился в такт хрюну.

Где-то вдаль ухнула сова. Из леса донёсся подозрительный шорох. А с вершины горы Вертун им вслед смотрел Альбертус, попивая лавандовый кофе и надеясь, что его драгоценный хрюн попадёт именно в Город Магов, а не в лапы Чёрного Купца.

Впрочем, глядя на эту компанию, он был почти уверен — у них получится. Потому что такая разношёрстная, нелепая и удивительная команда просто не могла не справиться. Или могла?

— Хрю, — донеслось уже издалека.

— Хрю-хрю, — ответил Крысислав.

— Это не разговор, это уже балаган, — проворчал Говорун.

Но никто не обратил на него внимания. Все были слишком заняты — рассматривали светящегося хрюна, обсуждали рецепты или просто радовались жизни. И даже Лира, самая серьёзная и замкнутая из всех, позволила себе маленькую, почти незаметную улыбку, глядя на это чудо в перьях (точнее, в чешуе).

А впереди их ждала ночь, полная тайн, и дорога, полная опасностей, и Город Магов, полный чудес. И Чёрный Купец, полный... ну, тьмы, наверное.

Глава 3: «Лесные приключения»

Утро в лесу встретило команду сыростью, запахом прелой листвы и настойчивым желанием Крысислава немедленно всех разбудить, потому что «солнце встало, а мы ещё нет, а вдруг мы проспим всё самое интересное?».

— Крысислав, — простонал Говорун из-под сложенной куртки Торвальда, которая служила ему импровизированным одеялом, — если ты не заткнёшься, я лично прослежу, чтобы самое интересное в твоей жизни закончилось прямо сейчас.

— Но Говорун! — щупальца Крысислава возбуждённо шевелились, а третий глаз светился в преддawnных сумерках ярче обычного. — Хрю уже не спит! Он мне сказал! Ну, не сказал, а хрюкнул, но я понял! Я его уже попоил росой и всю ночь кормил лунным светом! И ещё он хочет, чтобы я почитал ему про грибы! А вчера Финн говорил, что в этом лесу есть грибы, которые разговаривают! Представляешь? Мы можем пойти и...

— Я уже хочу пойти и провалиться в болото от твоей болтовни, — проворчал котёл, с неохотой выбираясь из-под куртки. — Элрик, подъём! Твоя очередь костёр разводить!

Элрик, который спал, уткнувшись носом в собственный посох, дёрнулся во сне, что-то пробормотал про «белого дракона» и перевернулся на другой бок. Посох, не оценивший такого отношения, больно ткнул хозяина в ребро.

— Ай! За что? — маг подскочил, протирая глаза. — Я не спал! Я медитировал! Настроивался на магические потоки леса!

— Ты храпел, — кратко сообщила Лира, возникая из-за ближайшего куста с охапкой хвороста. Никто не заметил, когда она успела уйти и вернуться. — И разбудил всех белок в радиусе километра. Белки недовольны.

— Они сказали? — тут же оживился Финн, выбираясь из спального мешка, который был целиком сплетён из мха и папоротника. На его плече сидел сонный жук, а в волосах запутался целый букетик лесных колокольчиков. — Я могу с ними поговорить! Белки — они нервные. Особенно если кто-то храпит. Им кажется, что это медведь. А медведь — это стресс. А стресс — это плохо для запасов орехов.

— Финн, не надо ни с кем разговаривать, — простонал Элрик, пытаясь натянуть сапоги. — Дайте мне пять минут, я разведу костёр магией. Быстро и эффективно!

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была красноречивее любого крика.

— Элрик, — голос Говоруна звучал так, как будто котёл готовился к неминуемой катастрофе, — давай ты просто воспользуешься кресалом, как все нормальные люди?

— Но Говорун! — Элрик вскочил, наконец-то обутый (сапоги, как выяснилось позже, снова оказались на разных ногах). — Мы в лесу! Магия здесь должна работать в десять раз лучше! Природа, энергия, единение с миром! Я чувствую этот поток! Я...

Он взмахнул посохом, сосредоточенно нахмурился и громко, с чувством произнёс:

— *Левитатус пешеходус!*

На несколько секунд всё замерло. Крысислав затаил дыхание. Финн заинтересованно склонил голову. Даже Лира замерла, наблюдая.

Элрик медленно оторвался от земли. Сантиметров на пять. Его лицо расплылось в торжествующей улыбке.

— Получилось! Я же говорил! Я...

В этот момент магия дала сбой.

Элрик не взлетел выше. Вместо этого куст черники прямо под его ногами вспыхнул ярким пламенем. Ярко-зелёным, с искрами.

— А-а-а! — заорал маг, грохаясь обратно на землю. — Горим! Тушите! Я не хотел! Это куст сам!

Торвальд, который всё это время сидел на пеньке и завтракал вчерашним сухарём, извлечённым из бороды, тяжело вздохнул.

— Опять двадцать пять, — прогудел он, подходя к пылающему кусту. — Элрик, ну почему нельзя было просто веток набрать?

Он наклонился и накрыл пламя своей знаменитой бородой. Та действительно не горела — ложилась на огонь плотным слоем, перекрывая доступ кислорода.

Через минуту пожар был потушен, остались только тлеющие угли и лёгкий запах палёных черничных листьев.

— Спасибо, Торвальд, — выдохнул Элрик, поднимаясь и отряхивая опалённые полы робы (дыра на спине стала ещё чуть больше). — Ты спас меня от неминуемой гибели!

— Я спас куст, — поправил Торвальд, расправляя бороду и стряхивая с неё пепел. — А ты бы и сам потушился. Теоретически. Ты же маг.

— Борода! — Крысислав подскочил к Торвальду с горящими глазами. — Она совсем не обгорела! А почему? У неё магические свойства? Или это просто особая структура волоса? А если её намочить, она тоже не будет гореть? А если заморозить? А если...

— Крысислав, — Торвальд положил свою здоровенную ладонь на голову существа (на все три глаза сразу), — ешь завтрак. И помолчи. Хотя бы пять минут.

— Завтрак! — Крысислав мгновенно переключился. — Хрю! Мы несём завтрак Хрю!

Он метнулся к клетке, где чешуйчатый хрюн уже нетерпеливо перебирал лапками и постукивал хвостиком по прутьям.

— Лира разрешила выпустить его побегать, — сообщил Крысислав, ловко открывая дверцу шестью щупальцами одновременно. — Под присмотром! Я буду присматривать! И Говорун будет! И Финн!

Хрю выскочил из клетки с такой скоростью, что Крысислав не успел даже моргнуть (всеми тремя глазами). Серебристая чешуя мелькнула в утреннем свете, и существо исчезло в ближайших кустах.

— Стоять! — заорал Крысислав, бросаясь следом. — Хрю, вернись! Там опасно! Там грибы! Там... ОЙ!

Из кустов донеслось довольное «Хрю!», затем звук стремительно роющей земли и довольное похрюкивание.

Когда вся команда (включая Говоруна, которого Торвальд нёс на перевес) добралась до места, картина открылась впечатляющая.

Хрю, сияя чешуёй, сидел в центре аккуратной ямки глубиной сантиметров тридцать. Вокруг ямки были разбросаны корешки, камни и несколько перепуганных дождевых червей, которых Финн тут же принялся успокаивать.

— Он умеет копать! — восхищённо выдохнул Крысислав. — Смотрите! Как быстро! Как профессионально! Хрю, ты гений!

— Хрю! — довольно отозвалось существо, выкапывая из ямки большой сочный корешок и с хрустом его сгрызая.

— Это он клад ищет? — поинтересовался Элрик, подходя ближе. — Или просто зарядку делает?

— Он завтракает, — авторитетно заявил Говорун, заглядывая в ямку. — Корешки. Червячки. Личинки. Всё, как положено. Это тебе не светящееся печенье жевать.

Хрю согласно хрюкнул и продолжил копать. За следующие пять минут он соорудил ещё четыре ямки, перекопал полянку, нашёл три вкусных корешка, двух жирных жуков (которых Финн уговорил не обижаться и уползти) и, кажется, остался чрезвычайно доволен жизнью.

— Нам такой садовый инвентарь пригодился бы в башне, — мечтательно заметил Элрик. — Представляете, как быстро он грядки вскопает?

— Представляю, как быстро он погреб под башней выроет, — проворчал Говорун. — А там, между прочим, кроличий совет. Они его неправильно поймут. Решат, что это вторжение. Начнётся война.

— Кролики и хрюн, — задумчиво произнёс Финн. — А ведь они могли бы подружиться. Кролики роют, хрюн роет... У них общий интерес. Надо будет организовать встречу. Я могу быть переводчиком. Хотя с хрюном сложнее — он пока только хрюкает. Я его не могу понять.

— Зато как хрюкает! — встрял Крысислав, пытаясь погладить Хрю по чешуйчатой спинке. Тот довольно прищурился и ткнулся носом в одно из щупалец. — Он очень выразительный! Я уже различаю четырнадцать оттенков его «хрю»! Вот это «хрю» — означает «я хочу есть», а вот это, с придыханием — «мне хорошо», а вот это...

— Крысислав, — перебил Торвальд, — давай собираться. Нам идти пора.

Он уже подхватил свой топор и теперь терпеливо ждал, пока Финн закончит разговор с червями, а Лира осмотрит окрестности на предмет опасности.

Элрик, тем временем, заметил нечто интересное. Финн, который всё это время сидел на поваленном дереве, вдруг оживился и уставился на поляну.

— О! — сказал Финн. — Гриб!

— Гриб? — Элрик подошёл ближе. — Где? Я грибы люблю. Особенно жареные. Говорун, у нас есть сметана?

— У нас есть ты, — буркнул котёл, — который опять отвлекается от дела.

Но Финн уже подобрался к небольшому, ничем не примечательному грибу с шляпкой болотного цвета. Гриб рос в тени небольшого папоротника и выглядел совершенно обычно. Финн наклонился к нему, прислушался, кивнул каким-то своим мыслям и, прежде чем кто-либо успел среагировать, откусил половину шляпки.

— Финн! — хором заорали Элрик, Говорун и Крысислав.

— М-м-м, — довольно протянул друид, жуя. — Вкусно. Немного горчит, но приятно. И главное — он меня сам позвал. Сказал, что давно ждёт, когда кто-нибудь его съест. Ему одиноко расти в здесь.

— Тебя грибы позвали, — обречённо констатировал Говорун. — Конечно. А ёлки, небось, сплясать приглашали?

— Ёлки не танцуют, они думают, — назидательно ответил Финн, проглатывая гриб. — Они вообще очень мудрые. Вот эта, например...

Он замолчал на полуслове. Его глаза расширились, зрачки на секунду исчезли, а потом он открыл рот и произнёс:

— ...помнит, как здесь ещё древние эльфы проходили...

Голос Финна звучал странно. Он словно доносился отовсюду сразу, отражаясь от деревьев и возвращаясь многократным эхом.

— Чего? — не понял Торвальд.

— ...эльфы были большие и добрые, они любили мох... — продолжал Финн, и каждое его слово повторялось трижды, разносясь по лесу. — ...и этот мох до сих пор помнит их шаги...

— Финн, ты как? — осторожно спросил Элрик, приближаясь к друиду.

— ...я как эхо, Элрик... — печально ответил Финн. — ...теперь я буду говорить как эхо... гриб был говорящий... или эхо-гриб...

— Он съел гриб эхо! — догадался Крысислав, подпрыгивая от восторга. — Я читал про такие! В книге «Грибы и их магические свойства»! Там написано, что если съесть эхо-гриб, твой голос будет отражаться от всего вокруг целых полчаса! Но это не опасно! Просто неудобно! А потом проходит! Финн, тебе не больно?

— ...не больно, Крысислав... — разнеслось над поляной. — ...просто непривычно... я теперь слышу себя со всех сторон... это интересно...

— Ну вот, — вздохнул Говорун. — Ещё одно развлечение. Теперь у нас не только светящийся хрюн и говорящий котёл, но ещё и друид-эхо. Красота.

— ...красота, Говорун... — подхватил Финн. — ...лес красивый... и ты красивый... хоть и медный...

Говорун поперхнулся и закашлялся. Комплимент от Финна, особенно сказанный эхом, был неожиданностью.

— Ладно, — Торвальд решил взять ситуацию в свои руки. — Идём дальше. Финн, ты идти можешь?

— ...могу, Торвальд... — ответил друид, поднимаясь и отряхивая колени. — ...я пойду, а лес будет повторять мои мысли... интересно, что он обо мне думает...

Они двинулись дальше по тропе. Финн шёл в центре, и каждое его слово (а он, как назло, любил поговорить, хоть и весьма вдумчиво) разносилось по лесу, пугая птиц и заставляя белок нервно оглядываться.

— ...смотрите, белка... — говорил Финн. — ...у неё орех во рту... она думает, что мы опасные... а мы не опасные... мы просто идём...

— Финн, может, помолчишь полчаса? — предложил Элрик.

— ...могу помолчать... — согласился друид, но тут же добавил: — ...но тогда лес будет молчать со мной... это будет странно...

В этот момент Крысислав, который нёс карту, зажатую в одном из щупалец, издал душе-раздирающий вопль.

— А-а-а-а!

— Что случилось? — подскочил Торвальд, хватаясь за топор.

— Карта! — Крысислав развернул пергамент дрожащими щупальцами. — Она... она...

Все столпились вокруг. Карта, которую им дал Альбертус, действительно представляла собой печальное зрелище. Чернила расплылись, линии стерлись, а в центре красовалось большое мокрое пятно.

— Это роса! — в отчаянии воскликнул Крысислав. — Ночью была роса! А я держал карту в щупальце! Оно отсырело! И карта отсырела! И всё стёрлось! Я всё испортил!

Он был готов разрыдаться. Три глаза наполнились слезами, щупальца поникли.

— ...не плачь, Крысислав... — разнёсся голос Финна. — ...карта — это всего лишь бумага... лес сам покажет дорогу...

— Лес, — буркнул Говорун. — Лес у нас большой. А Город Магов — маленький. Мы можем идти до следующего лета.

Наступила тишина. Даже Финн, вспомнив просьбу Элрика, молчал, но его молчание теперь тоже отражалось эхом, создавая странный акустический эффект.

Торвальд тяжело вздохнул, убрал топор за спину и уселся на большой камень. Борода его задумчиво шевелилась, перебирая застрявшие в ней вчерашние крошки.

— Раньше люди ходили без карт, — философски изрёк он, глядя на верхушки деревьев. — И ничего. По солнцу ориентировались. По звездам. По мху на деревьях.

— По запаху, — добавил он после паузы. — По запаху пива, например. Если ветер с трактира дует — значит, там люди. А где люди — там и дорога.

— ...запах пива... — повторило эхо голосом Финна. — ...интересный ориентир... я чувствую запах мха... и коры... и прелых листьев... пивом не пахнет...

— Потому что трактиров в лесу нет, — резонно заметил Говорун. — Только эхо-грибы. Ладно, великан, твои предложения?

Торвальд пожал плечами (вместе с бородой).

— Предлагаю идти в ту сторону, — он махнул рукой на восток, где солнце только начинало подниматься над верхушками деревьев. — Там трава примята. Кто-то проходил недавно. Значит, тропа куда-то ведёт.

— А если это охотники? — спросил Элрик.

— Значит, спросим дорогу, — отрезал Торвальд. — Если это разбойники — тоже спросим. Только другим тоном.

Лира, которая всё это время молча изучала следы, кивнула, подтверждая слова Торвальда.

— Люди, — коротко сказала она. — Трое. Прошли вчера вечером. С телегой. Колея глубокая — везли что-то тяжёлое.

— Может, пиво? — с надеждой спросил Элрик.

— Может, и пиво, — усмехнулся Торвальд. — Значит, идём по следам. Финн, когда перестанешь быть эхом, скажешь, если почувствуешь что-то подозрительное.

— *...я сейчас всё чувствую...* — грустно ответил Финн. — *...и слышу... и вижу... и эхом отражаюсь... это продлится ещё... двадцать три минуты... если верить моим внутренним часам... а они у меня точные, их жуки настраивают...*

— Отлично, — подвёл итог Говорун. — Значит, двадцать три минуты мы будем слушать твои мысли, размноженные лесом. А потом решим, куда идти. Идём пока по следам. Крысислав, не убивайся из-за карты. В конце концов, приключения потому и приключения, что никто не знает, куда идти.

— Правда? — Крысислав поднял на котел влажные глаза. — Ты не сердишься?

— Я всегда сержусь, — проворчал Говорун. — Это мой образ жизни. Но на тебя — не больше обычного. Давай сюда свои щупальца, помогу нести рюкзак. А ты лучше за Хрю следи, чтобы он опять ямку где-нибудь не вырыл. Желательно не под нашими ногами.

Хрю, услышав своё имя, довольно хрюкнул и потёрся чешуйчатым боком о щупальце Крысислава.

— Он меня любит! — тут же растаял бывшая крыса. — Ты слышал, Говорун? Он меня любит!

— Я слышал, — вздохнул котёл. — Я всё слышу. И вижу. И закипаю от умиления. Ладно, идёмте уже, пока Финн не начал рассказывать лесу всю подноготную нашей команды.

— *...я не буду...* — пообещал Финн. — *...хотя лес интересовался... кто такой Элрик и почему у него дыра на спине... я сказал, что это философская дыра... лес понял... лесу понравилось...*

— Финн! — простонал Элрик.

— *...что?..* — удивился друид. — *...я правду сказал... дыра философская... она символизирует твоё отношение к материальным благам... так Говорун говорит...*

— Я такого не говорил! — возмутился котёл.

— *...говорил, вчера за ужином... я всё помню... у меня память, как у дерева... деревья ничего не забывают...*

— Лес теперь всё знает про наши философские дискуссии, — обречённо констатировал Элрик. — Замечательно. Теперь каждая сосна будет обсуждать мою дыру на спине.

— Сосны не обсуждают, они думают, — успокоил его Финн. — *...и чувствуют... они чувствуют, что ты хороший... несмотря на дыру... и на то, что сапоги перепутал...*

Элрик посмотрел на свои ноги. Сапоги действительно были на разных ногах.

— А я и не заметил, — удивился он. — Странно, идти вполне удобно. Может, это новая методика? Асимметричная обувь для лучшего сцепления с грунтом?

— Это методика «Элрик снова всё перепутал», — отрезал Говорун. — Переобуйся уже, а то споткнёшься и упадёшь в ту самую ямку, которую Хрю выроет в самый неподходящий момент.

— Хрю! — подтвердил хрюн, радостно семеня рядом с Крысиславом.

— Вот видишь, он согласен, — вздохнул котёл.

Отряд двинулся дальше по следам телеги. Солнце поднималось всё выше, лес наполнялся птичьими голосами и звуками просыпающейся жизни. Финн ещё минут двадцать говорил эхом, успевая комментировать каждый чих, каждую упавшую шишку и каждую мысль, которая приходила ему в голову. Лес отзывался, и казалось, что вся округа наполнена разговорами — одни вели белки, другие птицы, третьи — Финн, а четвёртые — даже само эхо.

Наконец, когда солнце поднялось уже довольно высоко, Финн внезапно остановился, прислушался к себе и сказал обычным своим голосом:

— Всё. Прошло.

— *Прошло?* — тут же отозвалось эхо, но это был уже просто звук, а не голос друида.

— Точно прошло, — кивнул Финн. — Я снова говорю один раз. Удобно. Хотя познавательно было. Лес много думает, но не всё говорит. Я это уважаю.

— Ну слава всем богам, — выдохнул Говорун. — Ещё полчаса такой философии, и я бы начал ржать от перенапряжения.

— Так, — Торвальд остановился и повернулся к команде. — Карты нет. Ориентиров нет. Финн больше не эхо. Предложения?

Крысислав виновато перебирал щупальцами, Хрю тихонько поскуливал, пытаясь потереться о друга.

— Может, Финн спросит у леса? — предложил Элрик. — Ну, там, у деревьев, у мха? Где Город Магов?

Финн задумался, приложил палец к виску, потом к стволу ближайшей сосны, потом присел на корточки и погладил мох.

— Мох говорит, что люди ходили в ту сторону, — сообщил он, указывая на северо-восток. — Много людей. С телегами. С лошадьми. И ещё с чем-то вкусным. Мох любит, когда лошади останавливаются — они удобряют почву.

— Мох у тебя ещё и агроном, — хмыкнул Говорун. — Ладно, поверим мху. А что деревья говорят?

— Деревья думают, что туда, — Финн указал чуть левее. — Но они не уверены. Они вообще редко уверены в направлениях. Им всё равно, где стоять.

— Гениально, — вздохнул котёл. — Один мох знает дорогу, но он слишком низко, чтобы видеть далеко. Что будем делать?

Все посмотрели на Торвальда. Тот почесал бороду, извлёк оттуда засохший кусочек сыра, повертел в пальцах и отправил в рот.

— Идём по запаху, — решил он.

— По запаху чего? — не понял Элрик.

— По запаху приключений, — усмехнулся великан. — Шучу. По запаху дыма. Если там город или деревня, люди топят печи. Если ветер не подведёт, учуем.

— А если ветер подведёт? — спросил Крысислав.

— Тогда будем искать по следам, — Торвальд указал на примятую траву. — Следы ведут туда. Значит, и мы пойдём туда. А если там окажется не Город Магов, а что-то другое — разберёмся на месте. Мы команда или кто?

— Команда! — воодушевлённо подтвердил Элрик. — Самая лучшая команда во всём королевстве!

— Самая шумная, — уточнил Говорун. — Самая нелепая. Самая голодная, между прочим. Торвальд, давай привал сделаем. Надо силы подкрепить, пока мы эти следы нюхаем.

— Дело говоришь, — одобрил Торвальд. — Привал. Полчаса на обед. Потом — в путь.

Лира уже нашла удобную полянку, Финн уселся под дубом и начал мысленный диалог с каким-то особенно умным на вид мухомором, Крысислав выпустил Хрю побегать (под строгим присмотром), а Говорун, сгруженный с плеча Торвальда, довольно запыхтел, готовясь к обеду.

Элрик сидел на поваленном дереве, смотрел на свою команду и чувствовал, как сердце наполняется тем самым теплом, которое невозможно объяснить словами.

— Говорун, — позвал он тихо.

— Чего? — котёл приоткрыл крышку, выпуская пар.

— А ведь мы справимся. Даже без карты. Потому что мы вместе.

— Справимся, — неожиданно легко согласился Говорун. — Куда мы денемся? Но если ты ещё раз спалишь куст, я лично затушу тебя своей крышкой. И не посмотрю, что ты маг.

— Договорились, — улыбнулся Элрик.

— Хрю! — донеслось из кустов, где Крысислав и Хрю снова обнаружили что-то интересное.

— *Что там?* — мысленно спросил Финн у мухомора.

— Грибы, наверное, — философски заметил Торвальд, протягивая миску Лире.

Лес шумел, солнце пригревало, и жизнь, несмотря на стёртую карту, говорящее эхо и хрюкающего питомца, была прекрасна.

Крысислав, устроившийся рядом с клеткой Хрю и с нежностью наблюдавший, как существо доедает найденный корешок, вдруг поднял на Говоруна свои три глаза.

— Говорун, а как ты думаешь, «Хрю» — это мальчик или девочка?

Вопрос повис в воздухе. Торвальд поперхнулся кашей. Лира замерла с кинжалом в руке. Финн отвлёкся от беседы с папоротником.

Говорун издал звук, похожий на скрежет закипающего чайника.

— Крысислав, — голос котла звучал с бесконечным терпением уставшего родителя, — я котел, а не сваха. И вообще, какая разница? Оно хрюкает — и хрюкает.

— Но мне интересно! — не унимался Крысислав. — Вдруг ему нужен особый уход? В книге «Уход за магическими существами» написано, что у мальчиков и девочек разные предпочтения в еде и...

— Хрю! — перебил его Хрю, подходя к Говоруну и ткнувшись влажным носом в медный бок котла.

Говорун вздрогнул (насколько вообще может вздрогнуть котел).

— Ну ладно, — неожиданно смягчился он. — Симпатичное. Но если оно описается в мою крышку, я обижусь. И это будет не просто обида, Крысислав. Это будет древний гнев артефакта. С искрами. И, возможно, проклятием.

— Хрю! — радостно подтвердил Хрю, совершенно не понимая, о чём речь, но поддерживая разговор.

— Он обещает! — перевёл Крысислав. — То есть она? Или оно? Говорун, я всё-таки не понял...

— Крысислав, ешь давай, — закрыл тему Говорун, с лязгом захлопывая крышку. — И дай мне пообедать спокойно. Хотя какой тут обед, когда вокруг одни вопросы...

— Вкусно, Говорун, — примирительно сказал Элрик.

— Спасибо, — буркнул котёл, но крышку чуть приоткрыл — чтобы слышать, о чём говорят.

А говорили о том, что впереди их ждёт дорога, полная неизвестности, но это было даже интересно. Потому что с этой командой скучно не бывало никогда. Даже когда карта превращалась в мокрую бумажку, а друид начинал говорить эхом.

Глава 4: «Таверна „Три голодных кабана“ и искусство маскировки»

Солнце клонилось к закату, когда отряд наконец выбрался из леса и увидел впереди очертания города. Угрюмовка встретила путников запахом дыма, мычанием коров и лаем собак, которые, кажется, обсуждали последние новости на своём собачьем языке.

— Угрюмовка, — прочитал Элрик покосившуюся табличку у дороги. — Какое название... уютное. Прямо чувствуется, что здесь живут весёлые люди.

— Угу, — хмыкнул Говорун с плеча Торвальда. — Такое же уютное, как «Дыра на спине Элрика». Подозреваю, что веселье здесь заканчивается на названии.

— Почему город так называется? — немедленно включился Крысислав, который нёс клетку с Хрю в двух щупальцах, третьим придерживал рюкзак, четвёртым почёсывал затылок, а пятым и шестым жестикулировал для убедительности. — Потому что жители угрюмые? Или потому что здесь всегда угрюмая погода? Или потому что основатель был угрюмым? А может...

— Крысислав, — перебил Торвальд, не сбавляя шага, — помолчи. Нам в город входить. Если ты начнёшь спрашивать прохожих про угрюмость, нас быстро запомнят. А нам это ни к чему.

— А почему нам это ни к чему? — шёпотом (но очень громким шёпотом) спросил Крысислав. — Мы же герои! Героев должны запоминать!

— Героев должны запоминать за подвиги, — назидательно изрёк Говорун, — а не за дурацкие вопросы. И вообще, нам нужно незаметно проскочить через город. Ты забыл про Чёрного Купца? Он, между прочим, может иметь уши везде. Даже в такой дыре, как Угрюмовка.

— Уши везде — это фигурально? — заинтересовался Крысислав. — Или у него действительно везде уши? А если у него везде уши, то как он спит? На одном ухе? Или уши спят по очереди? А...

— Крысислав! — рывкнули одновременно Говорун, Торвальд и даже Элрик, который обычно был самым терпеливым.

— Я просто спросил.

Хрю в клетке сочувственно хрюкнул и лизнул одно из щупалец сквозь прутья.

— Ладно, — Торвальд остановился у городских ворот, которые представляли собой довольно жалкое зрелище. — Давайте договоримся. В городе мы ведём себя тихо. Крысислав, ты не задаёшь вопросов. Элрик, ты ничего не поджигаешь. Финн, ты не разговариваешь с растениями, особенно если они растут на чужих огородах. Лира...

Он посмотрел на эльфийку, которая, как обычно, материализовалась из ниоткуда.

— Я всегда тихо, — коротко ответила та.

— Знаю. Лира, прикрой нам спину. Говорун, ты следишь за порядком.

— Я всегда слежу, — проворчал котёл. — Только толку...

— И главное, — Торвальд понизил голос, — Хрю нужно спрятать. Клетка слишком заметна. Лира, есть идеи?

Лира окинула клетку своим холодным взглядом, потом перевела его на собственный плащ с меховым воротником. Мех был лисьим, пушистым и явно не первой свежести.

— Давай, — коротко сказала она, обращаясь к Крысиславу.

— Что давай? — не понял тот. — Щупальце? Рюкзак? Книгу?

— Клетку. Давай сюда.

Крысислав послушно передал клетку. Лира открыла дверцу, и Хрю, почуяв свободу, радостно выскочил наружу, собираясь немедленно начать рыть ямку посреди дороги.

— Стоять, — Лира поймала существо с такой скоростью, что никто не успел моргнуть. Хрю пискнул и замер.

Эльфийка развязала шнурки на своём воротнике, отделила мех от плаща и в два движения приладила его вокруг шеи Хрю. Получилось нечто среднее между шарфом, накидкой и очень странным ожерельем. Хрю замер, прислушался к себе, потом удивлённо хрюкнул и потёрся мордочкой о мягкий мех.

— Он как будто пальто надел! — восхитился Крысислав. — Лира, ты гений! Теперь он похож на маленького пушистого... ну, на маленького пушистого Хрю!

— Хрю! — довольно подтвердил Хрю, которому, кажется, очень нравился его новый наряд.

— А теперь — сюда, — Лира подхватила существо и пристроила его у себя на плечах, как воротник. Хрю послушно обвил её шею, свесив лапки и хвостик, и замер. Со стороны казалось, что это просто очень необычный, слегка шевелящийся меховой воротник.

— Не дёргайся, — предупредила Лира. — Будешь сидеть тихо — получишь корешок.

— Хрю, — согласно пискнул Хрю и действительно затих, только глаза его поблёскивали из-под лисьего меха с выражением полного и абсолютного счастья.

— Потрясающе, — выдохнул Элрик. — Лира, ты не следопыт, ты гений маскировки!

— Я следопыт, — поправила эльфийка, и в её голосе впервые за день мелькнуло что-то похожее на довольство. — Просто умею пользоваться тем, что есть.

— А греет он хорошо, — добавила она после паузы. — Мягкий.

— Хрю, — довольно подтвердил Хрю с её плеча.

— Ладно, — Торвальд одобрительно кивнул. — С этим решили. Теперь — в таверну. Надо поесть нормально и снять комнаты. И чтобы никто ничего не заподозрил. Держимся естественно.

— Естественно — это как? — уточнил Элрик.

— Как будто мы обычные путники. Устали, хотим жрать, деньги есть.

— А у нас есть деньги? — спохватился маг.

Торвальд выгреб из бороды горсть медяков, пару серебряных монет и одну золотую, которая, судя по всему, застряла там ещё с прошлого приключения.

— Теперь есть, — констатировал он. — Пошли.

Таверна «Три голодных кабана» располагалась на главной (и, кажется, единственной) площади Угрюмовки. Вывеска над дверью изображала трёх кабанов с такими голодными мордами, что становилось ясно — лучше заказать еду побыстрее, пока они не передумали и не слезли с вывески.

Внутри было шумно, накурено и пахло так, как пахнет в настоящей таверне, где готовят много, едят много и о чистоте думают в последнюю очередь. За длинными деревянными столами сидели местные — в основном охотники и несколько подозрительных личностей в тёмных плащах. Служанки сновали между столами с подносами, уставленными кружками с пивом и тарелками с дымящимся мясом.

Толстый трактирщик за стойкой протирали кружку и одновременно сверлил взглядом каждого входящего — видимо, оценивая, сколько с него можно содрать.

— Добро пожаловать в «Трёх кабанов»! — рявкнул он, когда компания переступила порог. — Есть места, есть пиво, есть комнаты! Если есть деньги!

— Деньги есть, — спокойно ответил Торвальд, выступая вперёд. Его огромная фигура заполнила собой дверной проём, и трактирщик мгновенно изменился в лице — с оценивающего на почтительное.

— Проходите, господин, проходите! — засуетился он. — Лучшие места! Сейчас освободим!

Торвальд молча прошёл к самому большому столу в центре зала, плюхнулся на лавку, и та жалобно скрипнула. Рядом с ним села Лира — с Хрю на плечах, который уже освоился и даже слегка подрёмывал, изредка довольно похрюкивая во сне.

Элрик пристроился с другой стороны, с трудом снял рюкзак и едва не смахнул им чью-то кружку.

— Извините! — пискнул он, ловя кружку на лету. — Я нечаянно!

Мужик, которому принадлежала кружка, мрачно зыркнул, но увидев размеры Торвальда, решил, что инцидент исчерпан.

Финн вошёл последним, огляделся и направился к столу, по пути останавливаясь у каждого горшка с чахлым растением, которые стояли на подоконниках.

— Привет, — шепнул он кактусу с отломанной колючкой. — Тяжело тебе здесь. Воздух спёртый, поливают редко... Держись. Я с тобой.

Кактус, разумеется, ничего не ответил, но Финн удовлетворённо кивнул и наконец-то сел за стол.

— Финн, — простонал Говорун, которого Торвальд поставил на стол как украшение (котёл, надо сказать, выглядел весьма эффектно среди кружек и тарелок), — не начинай. Мы в таверне. Здесь растения в горшках — это декор, а не собеседники.

— А почему декор не может быть собеседником? — искренне удивился Финн. — Он же живой. Просто молчаливый. Но это не значит, что ему не нужна поддержка.

— Финн, закажи лучше поесть, — перевёл тему Элрик, разворачивая меню, которое представляло собой заляпанную жиром дощечку с выжженными названиями блюд. — Тут написано... м-м-м... похлёбка из кабана, кабаньи рёбрышки, кабанья рулька, кабанье сердце в соусе... А есть что-нибудь не из кабана?

— Есть пиво, — хмыкнул Торвальд, подзывая служанку.

Подошла дородная девица с подносом и оценивающе оглядела компанию. Взгляд её задержался на Крысиславе, который сидел в углу, накрывшись плащом с головой, и только кончики шупалец подозрительно шевелились, когда он читал меню.

— Чего изволите? — спросила служанка, профессионально игнорируя странности.

— Мне двойную порцию кабаньих рёбрышек, тройную похлёбки и кружку пива, — заказал Торвальд. — И побольше хлеба.

— Мне просто похлёбку, — добавила Лира тихо.

— А мне... — Элрик задумался, водя пальцем по меню. — А можно я заплачу медяками? У меня есть!

Он полез в карман и вытащил горсть мелочи. Медяки блеснули в свете свечей, Элрик торжествующе улыбнулся, пересчитывая их... и вдруг его палец соскользнул, монеты взлетели в воздух красивым веером и с мелодичным звоном плюхнулись прямо в тарелку с супом соседнего стола, за которым сидели два угрюмых охотника.

Наступила тишина.

Охотники медленно перевели взгляды с тарелки, из которой теперь торчали медяки, на Элрика.

— Я... я прошу прощения! — Элрик вскочил, опрокинув лавку. — Я сейчас! Я всё достану! Я...

— Сиди, — Торвальд положил свою тяжёлую руку ему на плечо, припечатывая обратно. Затем повернулся к охотникам и спокойно сказал: — Мужики, пиво за мой счёт. И новый суп. Извините за неудобства.

Охотники переглянулись. Тот, что сидел ближе, выловил из супа медяк, повертел в пальцах и хмыкнул.

— Ладно, — буркнул он. — Бывает. Только пусть убирается сам.

— Я уберу! — с готовностью воскликнул Элрик, но Торвальд снова придавил его к месту.

— Служанка уберёт, — сказал он, сунув девице ещё пару монет. — И новый суп тем же. И нам пива всем.

Служанка, довольно улыбаясь, упорхнула выполнять заказ. Элрик сидел красный, как его опалённая роба, и бормотал что-то про «неловкость момента».

— Я же просил ничего не ронять, — вздохнул Говорун. — Но нет. Элрик решил внести разнообразие в меню. Суп с медяками, между прочим, в местной кухне не значится.

— Я не специально, — прошептал маг. — Они сами выпали.

— Сами они выпадают только у тех, кто держит их в дырявом кармане, — парировал котёл. — А у тебя дырявая, подозреваю, голова.

— Говорун...

— Молчу. Но осадочек остался.

Крысислав тем временем осторожно высунул одно щупальце из-под плаща и ткнул в меню.

— А что такое «почки в соусе»? — спросил он тихо, но в тишине, воцарившейся после инцидента с медяками, его голос прозвучал отчётливо. — Это орган?

Охотники за соседним столом снова уставились на компанию. Служанка замерла с подносом.

— Крысислав, — зашипел Говорун, — молчи!

— Но мне интересно! — Щупальце возмущённо дёрнулось. — В книге «Анатомия для начинающих алхимиков» написано, что почки — это важный орган фильтрации. А если их есть, они продолжают фильтровать? Или перестают? Или...

— Крысислав! — теперь зашипели уже все, включая Лиру.

— Хрю! — восторженно Хрю на плече эльфийки, просыпаясь и с интересом оглядывая зал.

— Это просто блюдо, — любезно пояснила служанка, которая, кажется, решила, что странная компания — это источник дополнительного заработка (и чаевых). — Из свиных почек. Вкусно, между прочим.

— А можно мне попробовать? — оживился Крысислав. — Я никогда не пробовал почки! Ни свиные, ни чьи-либо ещё!

— Ему можно, — кивнул служанке Торвальд, и продолжил уже Крысиславу. — Только сиди тихо и не высовывайся. И ешь аккуратно.

— Я буду аккуратно! — пообещал Крысислав, и все шесть щупалец радостно зашевелились под плащом, отчего тот заходил ходуном, создавая жутковатое зрелище.

— Может, ему лучше снять плащ? — предложил Элрик. — Всё равно все уже заметили, что с нами что-то не так.

— Сиди уж, — буркнул Говорун. — Чем меньше народу увидит его во всей красе, тем меньше потом будут описывать ищейкам.

При слове «ищейки» Лира напряглась и скользнула взглядом по залу. Её светлые глаза остановились на двух фигурах в чёрных плащах, сидевших в дальнем углу. Они не пили, не ели, только переглядывались и поглядывали на вход.

— Торвальд, — тихо сказала она, чуть поведя плечом (Хрю недовольно хрюкнул, но не проснулся). — Угол. Двое. Не местные.

Торвальд медленно, как бы между прочим, повернул голову, бросил взгляд и так же медленно вернулся к своей кружке с пивом, которую как раз принесла служанка.

— Вижу, — так же тихо ответил он. — Ищейки. Почуяли что-то?

— Или ждут кого-то, — Лира чуть наклонила голову, прислушиваясь. — Говорят тихо. Не разобрать.

Говорун, который стоял на столе и делал вид, что он просто очень красивый медный котёл, приоткрыл крышку и прошептал:

— Эти типы — ищейки. Я таких видел, когда мы в прошлый раз... ну, когда Элрик пытался продать гному «эликсир вечной молодости», который оказался слабительным. Они тогда за ним по пятам ходили, но так и не поймали, потому что Элрик случайно чихнул и поджёг кусты, а в дыму...

— Говорун, — перебил Торвальд, — не сейчас.

— Я просто предупреждаю, — обиделся котёл. — У них взгляд характерный. Липкий такой. Как будто они уже считают твои монеты и прикидывают, сколько с тебя содрать за молчание.

— Или за информацию о редких существах, — добавила Лира, и Хрю на её плече вдруг вздрогнул во сне, будто почуял опасность.

Элрик, который всё это время пытался незаметно выловить из кармана последние монеты (на этот раз аккуратно), поднял голову.

— Думаете, они от Чёрного Купца?

— Возможно, — Торвальд отхлебнул пива. — Но пока они просто сидят. Значит, не уверены. Или ждут подкрепления.

— Что будем делать? — спросил Финн, отрываясь от мысленной беседы с мухой, ползущей по столу. — Я могу попросить муху подслушать, о чём они говорят.

— Муху? — переспросил Крысислав, забыв про почки. — А мухи умеют подслушивать? А они понимают человеческую речь? А если понимают, то как передают информацию? А...

— Крысислав, — Говорун стукнул крышкой, — мухи понимают всё. Они же везде летают. Финн, давай, действуй. Только быстро.

Финн закрыл глаза, сосредоточился и что-то прошептал. Муха, которая до этого бессмысленно ползала по столу, вдруг замерла, подняла головку, словно прислушиваясь, а затем взлетела и направилась напрямик к столу в углу.

— Она всё слышит, — тихо сказал Финн. — Я сейчас... я подключён.

— Подключён? — не понял Элрик.

— Ну да. Я чувствую то, что чувствует она. Это как... как быть мухой. Очень странно. У них глаз много. Всё расплывается. И ещё они любят сладкое. Очень любят. Вон там, на столе, пиво пролито... ох, отвлекается...

Финн зажмурился, явно борясь с мушиными инстинктами.

— Говорят... — прошептал он. — Говорят... про отряд... про мага с дырявой робой... про эльфийку без волос... про... про существо с щупальцами... и про... про зверя, который светится... Они знают!

— Что знают? — напрягся Торвальд.

— Знают, что мы везём что-то ценное... — Финн открыл глаза, и муха тут же вернулась на стол, явно разочарованная тем, что её оторвали от пива. — Они ждут, когда мы выйдем. Или когда уснём. Хотят украсть Хрю.

— Хрю! — встрепенулось существо на плече Леры, окончательно просыпаясь. — Хрю-хрю?

— Тихо, маленький, — Лира погладила его по чешуйчатой голове, прикрытой мехом. — Никто тебя не украдёт.

— Вот видишь, — вздохнул Говорун. — Я же говорил — приключения. Теперь у нас не просто хрюкающий питомец, а объект охоты международных преступников. Элрик, ты доволен?

— Я? — удивился маг. — А я-то тут при чём? Это всё Альбертус!

— Ты согласился! — напомнил котёл. — Ты и твоя жажда подвигов!

— Но это же настоящий подвиг! — глаза Элрика загорелись. — Спасти редкое существо от злодеев! Нас будут прославлять! О нас напишут книги!

— Напишут некролог, — буркнул Говорун. — «Элрик Неудачник и его команда погибли в таверне, потому что Элрик уронил монеты в суп и привлёк внимание ищеек».

— Говорун, ты преувеличиваешь.

— Я за всех переживаю, — отрезал котёл. — Ладно, Торвальд, командуй. Что делать будем?

Торвальд допил пиво, вытер бороду (часть пива впиталась, часть осталась на усах) и задумался.

— Лира, они видели Хрю?

— Не должны, — эльфийка покачала головой. — Он был под плащом, когда входили. Сейчас сидит тихо. Похож на воротник.

— Хорошо. Крысислава они заметили?

— Плащ шевелится, — кратко ответила Лира. — Не уверена. Может, думают, что у нас багаж живой.

— Багаж живой — это мысль, — хмыкнул Торвальд. — Ладно. План такой: доедаем, снимаем комнаты, делаем вид, что ничего не заметили. Ночью они наверняка сунутся. Вот тут мы их и встретим.

— Как встретим? — жадно спросил Крысислав, забыв про почки.

— Ласково, — усмехнулся Торвальд в бороду. — С топором.

— А можно я тоже буду ласково? — обрадовался Крысислав, и его щупальца возбуждённо зашевелились, отчего плащ снова заходил ходуном.

— Ты будешь сидеть в углу и светиться, — распорядился Говорун. — Если они увидят светящееся нечто в темноте, у них сердечный приступ будет. Тоже оружие.

— Я могу светиться очень ярко! — гордо заявил Крысислав. — Я тренировался! Когда волнуясь — свечусь, как светляк! А когда очень волнуясь — как три светляка!

— Вот и отлично, — кивнул Торвальд. — А сейчас — все едим и делаем вид, что мы просто усталые путники. Финн, прекрати разговаривать с мухой.

— Она обидится, — предупредил Финн. — Она рассказала мне про свою жизнь. У неё тяжёлая судьба. Родилась в хлеву, пережила зиму, чуть не утонула в пиве...

— Финн!

— Ладно-ладно. Я просто пообещал ей кусочек сахара.

Трактирщик принёс еду. Торвальд накинулся на рёбрышки с таким энтузиазмом, что борода его полностью погрузилась в тарелку и вышла оттуда блестящей от жира. Лира ела аккуратно, маленькими кусочками, одной рукой придерживая Хрю, который время от времени просыпался, высовывал мордочку из меха и требовательно похрюкивал, получая кусочек хлеба.

Крысислав под плащом управлялся сразу с тремя щупальцами — одним держал ложку, вторым вилку, третьим пытался одновременно читать книгу, которую извлёк из рюкзака.

— Тут написано, — шептал он, — что почки полезны для тех, у кого проблемы с... Ой! А у меня есть почки? У меня же раньше были, когда я был крысой, а теперь... Говорун, а у меня есть почки?

— Крысислав, — простонал котёл, — если ты не заткнёшься, я лично проверю, есть ли у тебя почки. Своей крышкой. По голове. Ешь давай!

Элрик, который заказал себе кабанью рульку, с аппетитом ел и мечтательно поглядывал на потолок.

— А ничего так таверна, — заметил он. — Уютно. Шумно. Пахнет едой. Вот бы нам такую в башне...

— В башне пахнет твоими экспериментами, — напомнил Говорун. — И кроликами из подвала. И ещё плесенью. Это больше похоже на филиал преисподней.

— Говорун, ты слишком строг.

— Я реалист.

Финн тем временем закончил есть и теперь аккуратно собирал крошки со стола, складывая их в горшочек с чахлым растением на подоконнике.

— Держи, — шепнул он кактусу. — Подкормка. Тебе расти надо.

— Финн! — зашипела Лира. — Люди смотрят.

— Пусть смотрят, — философски ответил друид. — Может, они тоже начнут заботиться о растениях. Мир станет добрее.

— Мир станет страннее, — поправил Говорун.

Наконец ужин был закончен. Торвальд расплатился с трактирщиком, и компания поднялась наверх, в снятые комнаты.

Комнат было две. В одной поселились Торвальд, Элрик и Говорун. Во второй — Лира, Финн и Крысислав (с Хрю). Ищейки в чёрных плащах, заметил Торвальд краем глаза, тоже поднялись следом и заняли комнату напротив.

— Ждут ночи, — констатировал он, когда дверь закрылась. — Ладно. Давайте распределимся. Я буду спать у двери. Лира, ты слышишь каждый шорох, так что будь наготове. Крысислав, ты светишься, если что.

— А я? — спросил Элрик.

— Ты будешь лежать и не рыпаться, — отрезал Говорун. — Твоя магия сегодня уже показала себя во всей красе. Ещё один подождённый куст, и мы сгорим вместе с таверной.

— Обижаешь, — надулся Элрик, но спорить не стал.

Лира бесшумно выскользнула в коридор, проверила обстановку и так же бесшумно вернулась.

— Ждут, — шепнула она. — Сидят в своей комнате.

— Ну и пусть сидят, — Торвальд улёгся на пол у двери, положив под голову топор. — Будильник у нас будет.

— Какой будильник? — не понял Крысислав.

— Лира, — коротко ответил великан и закрыл глаза.

Ночь опустилась на Угрюмовку тихо и незаметно. В таверне «Три голодных кабана» погасли свечи, затихли голоса, и только изредка где-то скрипели половицы да похрапывал во сне толстый трактирщик за стойкой.

В комнате, где расположилась команда, царила тишина. Торвальд лежал у двери и, кажется, действительно спал, хотя его борода шевелилась во сне, перебирая застрявшие в ней крошки. Элрик дрых на кровати, раскинув руки и что-то бормоча про белого дракона. Говорун стоял в углу, прикрывшись крышкой, и издавал звуки, похожие на лёгкое побулькивание (котлы тоже умеют храпеть, просто редко признаются).

В соседней комнате Лира сидела на кровати, не смыкая глаз. Рядом с ней, свернувшись калачиком, спал Хрю, изредка подёргивая лапками во сне. Финн тоже спал — в позе эмбриона, обнимая горшок с кактусом, который он утащил из общего зала («Он просился! Ему страшно одному!»). Крысислав светился в темноте ровным голубоватым светом, отчего комната казалась подводным гротом.

Где-то за окном ухнула сова. И в ту же секунду Лира услышала — скрип половицы за дверью.

Очень осторожный. Очень тихий.

Она бесшумно скользнула к стене, прижалась к ней и замерла. Хрю во сне что-то пискнул, но не проснулся.

Дверная ручка медленно, миллиметр за миллиметром, начала поворачиваться.

Лира ждала.

Ручка повернулась до конца, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель могла просунуться рука. Рука была в чёрной перчатке.

Рука нащупала косяк, потом двинулась дальше, ощупывая пространство в поисках добычи...

И в этот момент Лира молниеносным движением перехватила запястье.

— Ай! — раздался приглушённый вскрик.

Лира дёрнула, и вор влетел в комнату, кубарем покотившись по полу. Он попытался вскочить, но наткнулся на светящегося Крысислава, который от неожиданности засветился так ярко, что комната озарилась голубым сиянием.

— Мамочки! — заорал ищейка, закрывая лицо руками. — Что это?!

— Это я! — гордо заявил Крысислав, поднимаясь и расправляя щупальца. — Я свечусь!

А это мои щупальца! А это...

Но закончить он не успел, потому что ищейка, не помня себя от ужаса, бросился обратно к двери — и врезался в могучую фигуру Торвальда, который заслонил дверной проём.

— О, а вот и гость, — спокойно сказал великан, подхватывая вора одной рукой за шкирку. — Не спится?

— Пусти! — забился ищейка. — Я ничего не делал! Я просто... дверью ошибся!

— Дверью, значит, ошибся, — Торвальд невозмутимо развернул его и усадил на пол. —

А рукой зачем шарил? Тоже ошибся?

— Я... я искал... ну...

— Нас искал? — уточнил Элрик, который, разбуженный шумом, сидел на кровати и пытался надеть сапоги (снова не глядя). — А зачем?

— Золото искал! — выпалил ищейка. — Думал, у вас золото есть! Мы местные воры! Просто хотели пожить!

— Местные, значит, — хмыкнул Говорун. — А плащи чёрные у всех местных воров? Или только у тех, кто работает на Чёрного Купца?

При упоминании Чёрного Купца ищейка дёрнулся и побледнел (насколько это вообще возможно при голубом свете Крысислава).

— Не знаю никакого Купца, — пробормотал он, отводя глаза.

— Врёт, — констатировала Лира, появляясь из темноты так внезапно, что ищейка подпрыгнул. — Я таких врунов за версту чую.

— Что будем делать? — спросил Финн, протирая глаза. — Я могу поговорить с ним. У меня есть методика успокоения агрессивных личностей через разговор с растениями. Правда, он не растение, но вдруг сработает?

— Не надо, Финн, — Торвальд вздохнул. — Я сам.

Он связал вора верёвкой, поднял с пола, отнёс в свою комнату, уложил на пол, а сверху... положил свою голову.

— Ты чего? — не понял ищейка, придавленный тяжёлой головой великана.

— Ты моя подушка до утра, — объяснил Торвальд, закрывая глаза. — Будешь дёргаться — я проснусь. А если я проснусь не вовремя, могу и топором махнуть спросонья. Так что лежи смирно.

— Но... но это же... это унижительно! — возмутился вор.

— Жить захочешь — не так раскорячишься, — философски заметил Говорун. — Торвальд, ты гений.

— Я уставший, — поправил великан и через минуту уже храпел.

Ищейка дёргался, пытался выползти, но голова Торвальда весила, судя по всему, килограммов двадцать, не меньше. Вор понял, что всё бесполезно, и затих, только иногда всхлипывал от обиды.

Остальная команда вернулась в свои комнаты. Лира снова уселась на кровати, проверяя кинжалы. Крысислав всё ещё светился от пережитого волнения. Финн гладил кактус и прислушивался к ночным звукам.

— А второй? — вдруг спросила Лира.

— Какой второй? — не понял Крысислав.

— Ищеек было двое. Этот — один. Где второй?

Все замерли.

В соседней комнате Торвальд храпел, придавив вора. Элрик тоже уснул, обняв посох. Говорун стоял в углу и делал вид, что дремлет.

— Наверное, сбежал, — предположил Финн. — Испугался.

— Или затаился, — Лира покачала головой. — Ждёт.

Она подошла к окну, выглянула наружу. Ночь была тёмной, только луна тускло освещала крыши домов. Никого.

— Ладно, — решила она. — Будем ждать.

Утро наступило неожиданно — ворвалось в комнаты вместе с криком толстого трактирщика, который нёсся по коридору с такой скоростью, что половицы под ним жалобно стонали.

— Где?! Где это чудовище?! — орал он, размахивая половником. — Оно всё сожгло! Всё! Мои припасы! Моя кухня! Моя жизнь!

Торвальд открыл один глаз, приподнял голову и посмотрел на вора, который за ночь так и не смог вырваться и теперь лежал, совершенно смилившийся с судьбой.

— Чего орёт? — спросил великан.

— Не знаю, — прохрипел вор. — Я всю ночь тут пролежал. Ничего не слышал.

Торвальд поднялся, оставляя пленника лежать. Взял кусок ткани, запихал вору в рот, чтобы не кричал, и вышел в коридор. За ним потянулись остальные.

Картина, открывшаяся на кухне, была впечатляющей.

Хрю сидел в центре огромной горы опустошённых мешков, корзин и бочек. Рядом валялись отгрызки овощей, обглоданные кости, пустые банки из-под солений и, кажется, остатки вчерашнего ужина. Сам Хрю, наевшийся до состояния шара, довольно жмурился, почёсывал пузико лапкой и изредка икал.

— Хрю, — сказал он довольно. — Хрю-хрю.

— Мои припасы! — заламывал руки трактирщик. — На неделю! На месяц! Это существо... это чудовище... оно всё съело!

— Как ты... как ты выбрался? — изумился Элрик, глядя на Хрю.

Тот посмотрел на мага своими огромными глазами и снова икнул.

— Он, кажется, ночью вылез из воротника, — тихо сказала Лира. — Я не заметила. Увлёклась ищейками.

— Хрю, — подтвердил Хрю.

— Он съел даже мою заначку! — рыдал трактирщик. — Там был окорок! Домашний! Копчёный! Я его к празднику берёг!

— Хрю, — виновато опустил голову Хрю.

— Хрю, ну как же ты так? — укоризненно покачал головой Крысислав. — Нельзя же всё есть подряд! У тебя животик заболит!

— У него уже болит, — заметил Финн, прислушиваясь. — Я слышу, как у него внутри что-то булькает. И ещё он немного грустный. Но сытый. Очень сытый.

— Сытый — это мягко сказано, — хмыкнул Говорун. — Он раздулся, как бочонок. Того гляди лопнет.

— Мы вам компенсируем все затраты, — Торвальд положил свою здоровенную руку толстяку на плечо.

— Конечно компенсируете, — закивал трактирщик. — Я уже стражу вызвал. Если не заплатите, вас всех упекут куда подальше.

Торвальд с силой сжал руку, лежавшую на плече толстяка, и очень грозно поглядел на него сверху вниз.

— Сделаем так, — он практически шептал эти слова. — Мы щедро вознаградим вас, за все хлопоты. Взамен, об этом инциденте больше никто не узнает. И вы разберётесь со стражей.

Воин убрал руку и сунул в карман, извлекая увесистый мешочек. Он отсыпал из него половину золотых монет в ладонь толстяка.

Трактирщик тем временем набрал в грудь воздуха, чтобы заорать снова, и тут Хрю поднял на него свои огромные, влажные, полные раскаяния глаза. В этих глазах читалось всё: и стыд, и боль, и обещание больше так не делать, и такая вселенская грусть, что трактирщик замер с открытым ртом.

Хрю шмыгнул носом.

— Хрю-ю-ю, — жалобно протянул он.

И трактирщик... растаял.

— Ой, ну ладно, — махнул он рукой. — Ну съел и съел. Животное же. Не понимает. Голодное было... — Он посмотрел на раздутого Хрю, затем с опаской на Торвальда, и добавил неуверенно: — Наверное.

— Хрю! — обрадовался Хрю и, кряхтя, поднялся на лапки.

— Я ему верю, — сказал трактирщик сам себе. — У него глаза такие... честные. Прямо как у моей бабушки, когда она говорила, что пирожки сама съела, а не я. И я верил. Всегда.

— Глаза — это сила, — кивнул Финн. — Я тоже всегда верю глазам. И мху. И кактусам.

— Ладно, — трактирщик вздохнул. — Идите уже. И зверя своего забирайте. А на завтрак я вам соберу с собой. Там немного осталось, но на дорогу хватит.

— Правда? — Элрик просиял. — Вы так добры!

— Не добрый, я практичный, — отрезал трактирщик, но уже без злости. — Если вы такие же голодные, как этот... хрюн, то без завтрака вы до обеда не дойдёте. А если вы погрёте с голоду в моём городе, у меня репутация испортится. Так что идите и ждите у входа. Соберу.

Он ушёл на кухню, бормоча под нос что-то про «проклятых искателей приключений» и «животных с честными глазами».

Хрю, с трудом переставляя лапки, подошёл к Лире и виновато ткнулся носом в её сапог.

— Хрю, — сказал он жалобно.

— Прощаю, — эльфийка погладила его по голове. — Но больше так не делай.

— Хрю! — торжественно пообещал Хрю и попытался запрыгнуть к ней на плечи. Получилось не с первого раза — мешал раздутый живот.

Крысислав помог ему, подсадив шупальцами, и вскоре Хрю снова сидел на своём месте, довольно жмурясь и изредка икая.

— А что делать с тем типом? — спросил Элрик, имея ввиду вора, который всё ещё сидел в комнате связанный.

— Пусть там побудет, — махнул рукой Торвальд. — Рано или поздно его кто-нибудь обнаружит. Да и передаст своим, что с нами лучше не связываться. А если ещё раз сунутся — познакомятся с моим топором поближе. И с бородой.

Борода Торвальда для убедительности шевельнулась.

— А второй? — напомнила Лира.

— Второй, видимо, сбежал, — пожал плечами Торвальд. — Или затаился. Но теперь он знает, что мы опасны. Может, и не сунется.

— Может, — согласилась Лира, но в её голосе слышалось сомнение.

Трактирщик сдержал слово. Через полчаса он вынес здоровенный узел с едой — хлеб, сыр, вяленое мясо и даже пару яблок.

— Держите, — буркнул он. — И чтоб я вас больше не видел. И зверя вашего тоже. Хотя... — Он заглянул в глаза Хрю. — Заходите как-нибудь. Если проездом будете. Только предупредите заранее. Я припасы спрячу повыше.

— Хрю! — довольно ответил Хрю.

— Ну всё, идите уже, — махнул рукой трактирщик и скрылся в таверне.

Команда вышла из Угрюмовки под лучами утреннего солнца. Город просыпался, на улицах появлялись первые прохожие, и никто не обращал внимания на странную компанию — мага с дырявой робой, огромного воина с бородой-тайником, молчаливую эльфийку с живым воротником, друида, шепчущегося с одуванчиками, и существо под плащом, которое светилось от счастья.

— Ну что, — сказал Элрик, останавливаясь на развилке. — Куда теперь?

— По дороге, — Торвальд указал на север. — Если верить моему чутью, Город Магов где-то там.

— А если чутьё врёт? — спросил Крысислав.

— Значит, дойдём до следующей таверны и спросим, — философски ответил великан. — Главное — чтобы там не было ищеек. И чтобы Хрю не съел все припасы до того, как мы дойдём. Нам теперь придётся затянуть пояса. Этот зверь дороговато обходится.

— Хрю! — возмутился Хрю с плеча Лиры. — Хрю-хрю!

— Он говорит, что не будет, — перевёл Крысислав. — Он обещает. И ещё он говорит, что ему очень стыдно. И что он любит нас всех.

— Хрю умеет говорить «люблю»? — удивился Элрик.

— Он умеет чувствовать, — поправил Финн. — А это главное.

Говорун, который путешествовал на плече Торвальда, приоткрыл крышку и посмотрел на свою разношёрстную команду.

— Ладно, — буркнул он. — Идём уже. А то опять в какую-нибудь историю вляпаемся. Хотя... куда мы без историй?

— Никуда! — радостно подтвердил Элрик. — Потому что мы команда!

— Команда чудаков, — поправил Говорун, но в его голосе не было злости. Только тепло. И ещё немного ворчания. Для порядка.

Солнце поднималось выше, дорога убегала вдаль, и впереди их ждали новые приключения, новые опасности и новые встречи.

А Хрю на плече Лиры тихонько посапывал, переваривая завтрак, и изредка довольно похрюкивал во сне.

— Хрю, — сказал он, и это значило: «Всё будет хорошо».

И, глядя на эту команду, в это действительно хотелось верить.

Глава 5: «Встреча у колодца, или Человек, который помнил огонь»

Утро после ночёвки в Угрюмовке встретило команду противным морозящим дождём, который, кажется, зарядил до самого вечера. Дорога раскисла, сапоги Элрика (надетые, как выяснилось, на правильные ноги, но с разными носками) противно хлюпали при каждом шаге.

— Ненавижу дождь, — проворчал Говорун с плеча Торвальда. Котёл предусмотрительно накрылся крышкой, но вода всё равно находила щели и противно затекала внутрь. — Я котел, я создан для огня, для жара, для... для сухости! А не для того, чтобы ржаветь под этим водным проклятием!

— Ты медный, — лениво заметил Торвальд, шагая по лужам так, словно их не существовало. Его борода теперь не топорщилась, а напитавшись влагой, отяжелела и облегала грудь, и даже сползла до пояса.

— Медный, но чувствительный! — огрызнулся Говорун. — У меня между прочим душа есть! И она мокрая!

— Души не мокнут, — философски заметил Финн, шагающий рядом и, кажется, единственный, кто получал удовольствие от непогоды. Он разговаривал с каплями дождя, и те, по его словам, обещали скоро закончиться, потому что «тучи уже устали и хотят в горы, отдохнуть».

— У некоторых душа, может, и не мокнет, — буркнул Говорун. — А моя — мокрая. Я всё-таки кухонная утварь, у меня другие стандарты.

Крысислав плёлся сзади, укутанный в плащ, из-под которого торчали кончики трёх щупалец, придерживающих клетку. Хрю, которого на время дождя пришлось снова посадить в переноску, тихонько поскуливал и пытался дотянуться до капель, чтобы их лизнуть.

— Хрю хочет пить, — сообщил Крысислав. — Но не из лужи. Он говорит, что лужи — это вчерашний дождь, а вчерашний дождь уже не свежий. Он любит свежий.

— С каких это пор Хрю стал сомелье по воде? — хмыкнул Элрик, с трудом переставляя ноги. Сапоги набрали воды, и теперь при каждом шаге раздавалось противное хлюпанье. — И вообще, откуда он знает про свежесть?

— Он чувствует, — авторитетно заявил Крысислав. — У него вкус. Он же редкое существо. У редких существ всегда хороший вкус.

Лира, как всегда, шла чуть поодаль, бесшумно ступая по мокрой траве так, что ни одна лишняя капля не смела на неё упасть. Хрю, временно лишённый тёплого места на её плечах, поглядывал на эльфийку с укоризной и периодически жалобно похрюкивал.

— Скоро выйдем из города, — вдруг сказала Лира, останавливаясь и вглядываясь в серую пелену дождя. — Там восточные ворота. Запах дыма и... и чего-то ещё.

— Чего ещё? — насторожился Торвальд, кладя руку на топор.

— Не пойму, — Лира нахмурилась. — Станный запах. Как будто... старая боль. И пепел.

— Пепел под дождём? — переспросил Элрик. — Это как?

— Не знаю, — эльфийка покачала головой. — Но я ощущаю именно так.

Говорун приоткрыл крышку, принюхался (насколько котел вообще может принюхиваться) и авторитетно заявил:

— Пахнет мокрой собакой, прелой листвой и чьими-то несбывшимися надеждами. Типичный пригород.

— Говорун, ты философ, — улыбнулся Элрик.

— Я реалист, — поправил котёл. — Ладно, идём. Чем быстрее доберёмся до следующего города, тем быстрее найдём место, где можно обсохнуть. И поесть. Только чтобы Хрю больше никого не съел.

— Хрю! — возмущённо донеслось из клетки.

— Не обижайся, маленький, но факты — упрямая вещь.

Восточные ворота Угрюмовки, как выяснилось, находились с противоположной стороны от тех, через которые команда вошла вчера. Город оказался больше, чем можно было подумать сначала — просто вчера они зашли с западной окраины, а теперь обходили его по дуге, чтобы выйти к тракту ведущему на север.

Ворота представляли собой две покосившиеся деревянные створки, которые, судя по виду, не закрывались уже лет двадцать — просто стояли для красоты и как ориентир. Рядом с ними, чуть в стороне от дороги, темнел старый колодец — сложенный из замшелого камня, с покосившимся воротом и ржавой цепью, которая жалобно скрипела на ветру.

А у колодца, прямо на мокрой земле, сидел человек.

В первый момент Торвальд решил, что это труп — слишком неподвижно он сидел, слишком неестественно была склонена голова. Но потом человек шевельнулся, и стало ясно — живой.

— Эй, — Торвальд остановился, придерживая команду рукой. — Там кто-то есть.

— Где? — Крысислав высунул все три глаза из-под плаща. — Я вижу! Это человек! Он сидит! Под дождём! Почему он сидит под дождём? Он что, не знает, что дождь мокрый? Или ему всё равно? А может...

— Крысислав, — перебил Говорун, — давай подойдём поближе, прежде чем задавать вопросы. Только сильно не налегай, а то он от твоей любознательности раньше времени оченеет.

Команда приблизилась. Теперь можно было разглядеть детали.

Мужчина. Лет сорока, на вид — хотя, возможно, и меньше, потому что жизнь его явно не щадила. Одежда — когда-то добротная куртка и штаны из плотной ткани — теперь висела лохмотьями, мокрая насквозь и местами порванная так, что виднелось тело. На теле — старые шрамы, много шрамов. Лицо — осунувшееся, бледное, с глубокими тенями под глазами. Глаза — открытые, но смотревшие куда-то сквозь реальность, словно видели что-то другое, недоступное обычным людям.

И в этих глазах была боль. Настоящая, живая, пульсирующая боль, от которой у Лирь дрогнули уголки губ, а Финн инстинктивно протянул руку, словно хотел погладить незнакомца по голове, как погладил бы раненого зверя.

— Осторожно, — предупредила Лира тихо. — Он не в себе.

— Это заметно, — кивнул Торвальд, не убирая руки с топора, но и не вынимая его. — Эй, друг, ты как? Живой?

Человек не ответил. Только медленно, очень медленно перевёл взгляд на говорившего, и в этом взгляде мелькнуло что-то... узнавание? Нет, скорее попытка вспомнить, что такое вообще бывают люди и что они могут разговаривать.

— Он замёрз, — сказал Финн, присаживаясь на корточки рядом с незнакомцем. — И голодный. И очень устал. И ещё... — друид нахмурился, прислушиваясь к чему-то внутри себя. — Он не помнит.

— Чего не помнит? — спросил Элрик, подходя ближе.

— Себя, — Финн пожал плечами. — Он не помнит себя. Как будто внутри пустота. Но не пустота, а... пепел. Как будто там был пожар, и всё сгорело, и теперь только пепел.

— Поэтично, — хмыкнул Говорун. — Финн, ты уверен, что это не просто местный пьяница, который перебрал вчера и теперь пытается вспомнить, где его дом?

— Уверен, — твёрдо сказал друид. — От него не пахнет алкоголем. От него пахнет... — он задумался, подбирая слова. — От него пахнет огнём. Старым. Большим. Который всё сжёт.

В этот момент Крысислав, который не удержался и вылез из-под плаща полностью (дождь, кажется, его совершенно не волновал — его кожа, наоборот, начинала слабо фосфоресцировать от влаги), подошёл к незнакомцу и протянул щупальце, чтобы потрогать его за плечо.

— Не надо... — начала Лира, но было поздно.

Щупальце коснулось мокрой куртки. Человек вздрогнул. Его глаза вдруг сфокусировались, остановились на Крысиславе, расширились...

И он закричал.

Это был не просто крик — это был вопль, полный такого ужаса, что птицы в ближайших кустах попадали с веток в обморок. Человек схватился за голову обеими руками, сжал виски и заорал снова, глухо, надрывно, словно пытался выдавить из себя что-то чужеродное, что застряло внутри и разрывало его на части.

— Что с ним?! — Элрик отскочил, едва не упав в лужу. — Крысислав, что ты сделал?!

— Я ничего! — щупальца Крысислава заметались в панике. — Я только дотронулся! Я хотел проверить, не спит ли он! Я не хотел! Я...

— Отойди! — скомандовала Лира, оттаскивая Крысислава в сторону. — Дай ему воздух!

Но человек продолжал кричать, сжимая голову, и было в этом крике что-то такое, от чего даже Торвальд побледнел под своей бородой. Хрю в клетке заметался, забился в угол и жалобно заскулил, закрывая мордочку лапками.

— Финн! — рявкнул Говорун. — Сделай что-нибудь! Ты же друид, ты со зверями разговариваешь, с людьми тоже можешь!

— Я не знаю, что делать! — Финн заметался вокруг кричащего человека. — Я никогда не слышал, чтобы люди так кричали! Это не физическая боль! Это... это память! Он что-то вспомнил! И это что-то его убивает!

— Хрю! — вдруг раздалось отчётливо из клетки.

Хрю, несмотря на страх, поднял мордочку и посмотрел на человека своими огромными глазами. И в этом взгляде было что-то такое... древнее. Понимающее.

Человек замер. Его крик оборвался на полуслове. Он медленно, очень медленно, повернул голову в сторону клетки и уставился на Хрю.

В тишине, нарушаемой только стуком дождя, было слышно, как он дышит — тяжело, прерывисто, словно только что пробежал марафон.

— Ты... — прохрипел он. Голос оказался низким, грубым, словно давно не используемым. — Ты... кто?

— Хрю, — осторожно ответил Хрю, прижимаясь к прутьям клетки.

— Ты... не оно, — человек покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание. — Ты — не оно. Ты — другое. Ты... живое. Настоящее.

— Он бредит, — тихо сказала Лира. — Нам нужно уходить. Мне кажется, он опасен, — последние слова были адресованы Торвальду.

Великан пожал плечами (вместе с бородой, которая при этом жалобно хлопнула).

— Не похож на опасного. Скорее на больного. Очень больного. Душой.

— Душа не болит, — возразил Говорун, но неуверенно.

— Ещё как болит, — вздохнул Финн. — Я знаю. Деревья мне рассказывали. Их души тоже болят, когда их рубят.

— Деревья рассказывали, — повторил Говорун. — Конечно. Финн, ты не мог бы помолчать хотя бы минуту? У нас тут человек в истерике, а ты про деревья.

— Уже не в истерике, — заметил Элрик, осторожно приближаясь к незнакомцу. — Смотрите.

Человек и правда успокоился. Он сидел всё там же, на мокрой земле, но теперь его взгляд был осмысленным и направленным на Хрю. В этом взгляде не было страха — только удивление и какая-то странная нежность.

— Я знаю таких, как ты, — прошептал он, обращаясь к Хрю. — Маленьких. Чешуйчатых. Тёплых. Я... я помню.

— Что он помнит? — шёпотом спросил Крысислав у Финна.

— Не знаю, — так же шёпотом ответил друид. — Но он пытается вспомнить. Это видно.

Человек вдруг покачнулся и схватился за голову снова, но на этот раз не закричал — только зажмурился и застыл, переживая приступ.

— Голова... — выдавил он сквозь зубы. — Кружится... Всё плывёт...

— Дайте ему поесть, — скомандовал Говорун. — У него, похоже, голодный шок. Или магия. Или всё-таки голод. Торвальд, у тебя сумка с провизией.

Торвальд извлёк оттуда кусок вчерашнего хлеба и протянул его незнакомцу.

— На, ешь. Потом разбираться будем.

Человек посмотрел на хлеб так, словно видел его впервые в жизни. Потом осторожно взял, понюхал, отломил кусочек и положил в рот. Жевал медленно, с видимым усилием, словно забыл, как это делается.

— Спасибо, — сказал он, проглотив. — Я... я не ел... давно. Не помню, сколько.

— А что ты вообще помнишь? — спросил Элрик, присаживаясь рядом на корточки (и тут же вода потекла через дырку рубы на спине в штаны, но решил не обращать внимания).

Человек задумался. Его лицо исказилось — видно было, как тяжело ему копать в собственной памяти, словно разгребать пепелище голыми руками.

— Имя, — сказал он наконец. — Кайрон. Меня зовут Кайрон. Это... это я помню. И ещё... — он замолчал, собираясь с мыслями. — Огонь. Большой огонь. И крики. Много криков. И потом... потом темнота. И холод. И я шёл. Долго. Не знаю, куда. Просто шёл. А потом... потом не мог идти. Сел здесь. И сидел.

— Сколько сидел? — спросила Лира.

— Не знаю, — Кайрон покачал головой. — День? Два? Неделю? Я... я не чувствую времени. Только боль. И головокружение. И ещё... — он посмотрел на Хрю, — ...тепло. От него. Я чувствую тепло.

— Хрю! — обрадовался Хрю и потянулся мордочкой к прутьям, словно хотел лизнуть незнакомца.

— Он маг, — вдруг тихо сказал Финн, прислушиваясь к чему-то. — В нём есть магия. Светлая. Но... надломленная. Как ветка, которую сломали, но не оторвали. Она ещё держится, но уже не живая.

— Финн, ты сейчас про ветку или про человека? — уточнил Говорун.

— Про человека, — вздохнул друид. — И про ветку тоже. Они похожи.

Лира тем временем обошла сидящего Кайрона кругом, внимательно его разглядывая. Её взгляд зацепился за что-то на его груди, видневшееся в разрыве мокрой рубахи.

— Смотрите, — сказала она, указывая.

Все посмотрели. На груди Кайрона, чуть ниже ключицы, виднелся шрам. Не обычный — огромный, будто оставленный лапищей какого-то чудовища. Пять глубоких полос, расходящихся веером, словно кто-то огромный и сильный полоснул когтями, целясь в сердце.

— Ничего себе царапина, — присвистнул Торвальд. — С таким шрамом не живут. Обычно.

— Обычно — да, — согласился Говорун. — Но этот жив. Вопрос — как?

— И кто его так? — добавил Крысислав, забыв, что ему велели молчать. — Это дракон? Или медведь? Или... или что-то ещё? Я читал про существа с огромными лапами! В книге «Твари и их повадки» есть глава про... Ой!

Он заткнулся сам, потому что Лира метнула в него взгляд, способный заморозить кипяток.

— Потом, Крысислав, — отмахнулась она. — Всё потом.

Кайрон, кажется, не слышал их разговора. Он смотрел на Хрю и улыбался. Впервые за всё время на его лице появилось что-то похожее на человеческое выражение.

— Ты хороший, — сказал он Хрю. — Маленький. Тёплый. Я... я тоже был хорошим. Когда-то. Давно.

— Хрю, — подтвердил Хрю, и в этом «хрю» слышалось одобрение и поддержка.

Элрик поднялся, пытаясь отряхнуть мокрые штаны, и посмотрел на команду.

— Мы не можем его бросить, — сказал он твёрдо.

— Элрик, — начала Лира, но он перебил:

— Ты помнишь, какой была ты, когда тебя встретил Торвальд? Тоже говорила, что опасна и лучше не подходить.

Лира замерла. Её лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло. Она отвернулась, пряча глаза.

— Это другое, — сказала она тихо.

— Конечно, другое, — немедленно встрял Говорун, и в его голосе зазвенели привычные саркастические нотки. — Ты была лысая и злая, этот — лохматый и больной. Эволюция налицо.

— Говорун! — возмутился Элрик, но Лира вдруг... фыркнула. Совсем тихо, почти незаметно, но фыркнула. Что-то вроде смешка.

— Он прав, — сказала она, не оборачиваясь. — Я была злая.

— Была, — согласился Торвальд, почёсывая бороду. — Теперь просто неразговорчивая. Тоже прогресс.

— Я поддерживаю Элрика, — неожиданно заявил Крысислав. — Нельзя бросать человека под дождём! Это негуманно! И вообще, он мне нравится! У него глаза добрые, хоть и больные! И он Хрю понравился! А Хрю плохих не любит!

— Хрю! — подтвердил Хрю, энергично кивая.

— Финн? — Элрик посмотрел на друида.

Финн, который всё это время сидел на корточках рядом с Кайроном и о чём-то шептался с каплями дождя на его плече, поднял голову.

— Он не опасен, — сказал он уверенно. — По крайней мере, для нас. Для себя — очень опасен. Он пытается умереть. Не специально, но пытается. Если мы его оставим, он умрёт. Дождь, холод, голод... он не выживет.

— Вот видите! — Элрик обвёл команду торжествующим взглядом. — Трое за, двое... — он посчитал, — а кто против?

Лира молчала. Торвальд задумчиво перебирал бороду. Говорун издавал звуки, похожие на закипание.

— Лира? — позвал Элрик мягко.

Эльфийка медленно повернулась. Посмотрела на Кайрона, на Хрю, который тянулся к нему сквозь прутья, на Крысислава, светящегося от сочувствия, на Финна, разглядывающего дождевые капли на своей ладони.

— Ладно, — сказала она коротко. — Пусть идёт. Но если станет опасен — убью. Быстро.

— Справедливо, — кивнул Торвальд. — Я тоже присмотрю. Лишний меч не помешает. Или топор. В смысле, лишний топор.

— Он не меч, — заметил Говорун. — Он человек. Больной. И голый почти.

— Не голый, — поправил Финн. — Лохматый. Это разные вещи.

— Для меня все лохматые, — проворчал котёл. — Кроме Лиры. Она лысая.

— Говорун! — возмутился Элрик.

— Что? Я констатирую факт. Она сама говорила, что надо смотреть правде в глаза. Это не оскорбление, это наблюдение.

Лира, к удивлению всех, не метнула кинжал. Только покачала головой и подошла к Кайрону.

— Вставай, — сказала она, протягивая руку. — Пойдёшь с нами.

Кайрон поднял на неё глаза. В них всё ещё плескалась боль, но сквозь неё пробивалось удивление.

— Зачем? — спросил он хрипло. — Я... я никому не нужен. Я опасен. Я... я не помню, кто я. Может, я убийца. Может, чудовище.

— Может, — согласилась Лира спокойно. — Но сейчас ты просто мокрый и больной. Вставай.

Кайрон попытался подняться и... рухнул обратно. Ноги не держали. Головокружение, которое вроде отпустило, накатило с новой силой, и мир вокруг поплыл, закрутился, размазываясь в серую кашу.

— Ловите! — крикнул Элрик, бросаясь вперёд.

Но Торвальд оказался быстрее. Великан одним движением подхватил теряющего сознание Кайрона, взвалил его на плечо (рядом с Говоруном, который возмущённо залязгал крышкой) и выпрямился.

— Тяжёлый, — констатировал он. — Но не очень. Кость и мышцы. Боец, похоже.

— Был, — прошептал Кайрон, прежде чем окончательно провалиться в темноту. — Я был... бойцом... я помню... огонь... и лапы... большие лапы...

Он замолчал, обмякнув на плече Торвальда.

— Ну вот, — вздохнул Говорун, которому теперь приходилось делить место на плече великана с бессознательным телом. — Теперь у нас не только хрюкающий питомец, говорящий котёл, бывшая крыса с щупальцами, друид-растениевод, молчаливая убийца и маг с дырой на спине, но ещё и боец с амнезией и непонятным прошлым. Прекрасный набор. Прямо зоопарк уродцев.

— Мы команда! — гордо заявил Элрик, игнорируя сарказм.

— Мы цирк, — поправил Говорун. — Передвижной. С хрюкающим оркестром.

— Хрю! — донеслось из клетки, и в этом «хрю» явно слышалась гордость.

— И он ещё гордится, — вздохнул котёл. — Ладно, идёте уже. Надо найти место, где этого... Кайрона... можно будет нормально осмотреть и накормить. И чтобы дождь не мочил. Я уже весь мокрый, того гляди зацвету.

— Котлы не цветут, — заметил Финн.

— А я зацвету, — пообещал Говорун. — Мхом. Или плесенью. Буду зелёным и пушистым. Как ёлка. Будешь со мной разговаривать, Финн?

— Буду! — обрадовался друид. — Это будет интересно! Говорящий мох на говорящем котле!

— Я пожалел, что предложил, — тут же заявил Говорун. — Забудь.

— Не забуду, — пообещал Финн. — Я ничего не забываю. Особенно интересное.

Лира, оглядевшись по сторонам, указала направление:

— Там, за воротами, есть постоянный двор. «Старая подкова». Я видела вывеску с указателем. Дойдём за полчаса.

— Веди, — кивнул Торвальд, перехватывая Кайрона поудобнее. — Элрик, возьми клетку с Хрю. Крысислав, не отставай и не задавай вопросов хотя бы полчаса. Сможешь?

— Постараюсь, — честно ответил Крысислав. — Но если вопросы будут очень важные?

— Терпи, — отрезал Говорун. — Терпение — великая вещь. Вот я, например, терплю вас всех уже столько времени. И ничего, живой пока.

— Ты котел, — напомнил Крысислав.

— И что? Котлы тоже чувствуют. И страдают. И терпят. Особенно когда их таскают по дождю с каким-то бессознательным типом на одном плече.

— Говорун, не ворчи, — улыбнулся Элрик, подхватывая клетку. — Посмотри, какая у нас команда! Мы справимся со всем!

— Со всем — это с чем именно? С Чёрным Купцом, с ищейками, с голодным хрюном, с обеспамятевшим бойцом, с твоей магией, которая жжёт кусты, и с моим вечным недовольством? Да, со всем этим мы точно справимся. Вопрос только — в каком составе.

— В полном! — уверенно заявил Элрик. — Как всегда! Ты просто не веришь в магию момента.

— Я верю в магию горячего ужина и сухой одежды, — отрезал Говорун. — И если мы не доберёмся до этого постоянного двора в ближайшее время, я устрою забастовку. Прямо здесь. На плече. Буду булькать и требовать внимания.

Дождь тем временем начал стихать. Тучи медленно расходились, пропуская бледные лучи солнца, и где-то вдали даже наметился намёк на радугу.

Хрю в клетке, успокоившись, свернулся калачиком и задремал, изредка вздрагивая во сне. Кайрон на плече Торвальда тихо постанывал, но уже без боли — скорее, во сне пытался с чем-то бороться. Крысислав послушно молчал, но его щупальца мелко подрагивали от сдерживаемых вопросов. Финн собирал с мокрой травы улиток и пересаживал их под кусты — «чтобы не замёрзли, они же босые». Лира бесшумно скользила впереди, указывая дорогу.

— Почти добрались, — обнадёжил Торвальд, прибавляя шаг. — Вон уже крыши видно.

И правда — впереди, за невысоким холмом, показались очертания постоянного двора «Старая подкова». Из трубы валил дым, обещая тепло и еду, а на крыльце стоял толстый мужик в фартуке и с интересом разглядывал приближающуюся компанию.

— Эй, — крикнул он, когда они подошли ближе. — У вас там чего? Раненый?

— Скорее больной, — ответил Элрик. — Можно у вас остановиться? Заплатим.

— Можно, — кивнул мужик, окидывая взглядом Торвальда с его ношей, светящегося Крысислава под плащом и молчаливую эльфийку. — Только у нас правила есть. Без глупостей. И без магии в номерах. И животных — только если они не кусаются и не шумят.

Последние слова были сказаны с подозрительным взглядом на клетку с Хрю.

— Он не будет! — пообещал Крысислав, высказывая вперёд и забыв, что должен молчать. — Он хороший! Он только вчера объелся, и теперь у него спячка! Правда, Хрю?

— Хрю, — сонно подтвердил Хрю, не открывая глаз.

— Ладно, — мужик почесал затылок. — Проходите. Только чтоб тихо. И за этого... — он кивнул на Кайрона, — ...отдельно заплатите. Он мне тут всю клиентуру не распугает?

— Не распугает, — заверил Торвальд. — Мы его в комнату отнесём.

— Это хорошо, — одобрил трактирщик. — Пусть только там и остаётся. А то был тут один... — он махнул рукой и скрылся в дверях, приглашая следовать за собой.

Команда зашла в тёплое, пахнущее едой и дровами помещение. Говорун облегчённо вздохнул (насколько вообще может вздыхать котёл) и приоткрыл крышку пошире, впуская тепло.

— Жизнь налаживается, — констатировал он.

— Это только начало, — мечтательно сказал Элрик.

— Это только начало проблем, — поправил Говорун. — Но об этом мы поговорим завтра. А сегодня — тишина и спокойствие. Хотя бы до утра.

Кайрон на плече Торвальда что-то пробормотал во сне — про огонь, про лапы, про то, что «надо бежать». Но никто не разобрал слов.

— Интересный всё-таки тип, — заметил Финн, прислушиваясь. — Ему снятся сны. Очень старые. И очень страшные.

— Все сны страшные, когда не знаешь, кто ты, — философски заметил Торвальд. — Ладно, пошли. Уложим его, поедим и решим, что делать дальше.

— Решим завтра, — зевнул Элрик. — Сегодня я слишком устал и промок, чтобы решать.

— Ты всегда устаёшь, когда надо решать, — проворчал Говорун.

— Зато я не устаю мечтать! — парировал Элрик.

— Мечтай, мечтай, — вздохнул котёл. — Мечты — это единственное, что у тебя пока получается без поджогов.

— Говорун!

— Молчу-молчу. Но осадочек остался.

И компания, ведомая трактирщиком, поднялась на второй этаж — укладывать больного, кормить Хрю (в меру, строго по диете) и, наконец, просто сидеть в тишине, слушая, как за окном затихает дождь и где-то вдалеке поёт свою унылую песню одинокая птица.

Глава 6: «Лихорадка, сны и драконья чешуя»

Утро следующего дня встретило команду хмурым небом и полным отсутствием энтузиазма у Кайрона, который так и не пришёл в сознание. Он лежал на лавке в общей комнате постоялого двора «Старая подкова», тихо постанывал во сне и периодически дёргался, будто отбивался от невидимых врагов.

— Ну и что нам с ним делать? — Торвальд задумчиво почесал бороду, извлекая из неё засохший кусочек вчерашней каши и отправляя в рот. — Не потащу же я его на себе до самого Города Магов. У меня спина, между прочим, не железная.

— Медная? — немедленно встрял Крысислав, который с утра пораньше уже успел прочитать три главы из «Травника начинающего некроманта» и теперь пребывал в состоянии философского поиска истины. — У тебя спина медная? А почему? Это магия? Или мутация? Я читал, что у некоторых существ может быть медная кожа, но это редкость! А ты существо? Ты же человек? Или...

— Крысислав, — перебил Говорун тоном уставшего родителя, — если ты не заткнёшься, твоя спина станей медной. От моей крышки. Которая, между прочим, тяжёлая. Так что давай без лишних вопросов.

— А почему крышка тяжёлая? — не унимался Крысислав, но, поймав взгляд Лир, которая уже примерялась, с какой стороны удобнее будет метнуть кинжал, предпочёл замолчать и только тихонько светиться в углу.

Лира подошла к Кайрону, положила руку ему на лоб и нахмурилась.

— Горит, — коротко сказала она. — Сильный жар. Если не сбить, может не выжить.

— А чем сбивают жар у людей? — Финн оторвался от разговора с веником, который стоял в углу (веник жаловался на тяжёлую жизнь и постоянное подметание). — Я могу спросить у берёзы, но до ближайшей берёзы идти полдня. А у мха спросить? Мох всё знает про температуру, он сам любит прохладу.

— Финн, не надо ни у кого спрашивать, — вздохнул Элрик, пытаясь надеть робу задом наперёд, но, заметив осуждающий взгляд Говоруна, переоделся правильно. — У меня есть зелье от жара! Варил вчера, пока вы спали. Правда, не уверен, что получилось...

— Ты варил зелье? — голос Говоруна зазвенел, как натянутая струна. — Без меня?! Элрик, ты понимаешь, что зельеварение — это искусство? Это тебе не соль в молоко сыпать! Ты хоть пропорции соблюдал?

— Ну... примерно, — маг замялся и полез в рюкзак, откуда извлёк небольшую склянку с мутноватой жидкостью. — Там были корень одуванчика, три капли росы, немного мха и... и, кажется, я перепутал баночку и добавил чуточку средства для мытья посуды. Но оно пахнет мятой! Мята всегда полезна!

— Средство для мытья посуды, — повторил Говорун обречённо. — Конечно. А почему не добавить туда ещё и свиную рульку для вкуса? Элрик, ты не маг, ты террорист. Химический.

— Но пахнет мятой! — обиженно повторил Элрик.

Хрю, который всё это время сидел на плече у Лир, завёрнутый в мех, вдруг встрепенулся, принялся к склянке и категорично замотал головой.

— Хрю! — заявил он с таким выражением, что Крысислав немедленно перевёл:

— Он говорит, что это пить нельзя. Что от этого даже у дракона живот бы скрутило. А у драконов, между прочим, желудок как у... ну, как у очень выносливого организма. Хрю, ты правда знаешь драконов?

— Хрю, — уклончиво ответил Хрю и отвернулся, давая понять, что тема закрыта.

Торвальд, который всё это время молча наблюдал за происходящим, наконец принял решение.

— Ладно. С зельем подождём. Лира, есть у тебя какие-нибудь эльфийские методы? Травы там, заговоры?

— Травы есть, — кивнула эльфийка. — Но нужен отвар. А для отвара нужен костёр и посуда. И чтобы кто-то помешивал.

Все взгляды устремились на Говоруна. Котёл издал звук, похожий на вздох обречённого.

— Ну конечно. Кто у нас посуда? Я. Кто у нас будет стоять на огне и варить непонятно что? Тоже я. А кто потом будет оттирать со стенок накипь от эльфийских трав? Опять я. Ладно, давайте свои травы. Только быстро. И чтоб без глупостей. И без средства для мытья посуды.

К полудню Кайрону стало чуть легче — жар немного спал, дыхание выровнялось, но в сознание он так и не пришёл. Торвальд, взвесив все «за» и «против» (а также взвесив самого Кайрона на руку), решил, что тащить его придётся.

— Лишний груз, — проворчал он, взваливая бессознательное тело на плечо рядом с Говоруном, который тут же возмущённо залязгал крышкой. — Но выбора нет. Элрик прав — не бросать же человека.

— Я всегда прав, — довольно заулыбался маг, но, поймав взгляд Лир, тут же сделал серьёзное лицо.

Дорога до леса, где они планировали заночевать, заняла весь остаток дня. Торвальд нёс Кайрона молча, только изредка перекладывая его с одного плеча на другое и тихо ругаясь сквозь зубы. Борода его к вечеру превратилась в пылесборник — в ней застряли сухие листья, мелкие веточки и даже одна испуганная гусеница, которую Финн немедленно спас и пересадил на ближайшее дерево.

— Тяжело нести того, кто висит мешком, — философски заметил он, наблюдая за гусеницей. — Вот гусеницу нести легко. Она лёгкая. И думает только о том, как стать бабочкой. А этот думает о чём-то страшном. Я чувствую. Ему снятся кошмары даже сейчас, когда он без сознания.

— Откуда ты знаешь, что ему снится? — поинтересовался Крысислав, который нёс клетку с Хрю сразу тремя щупальцами, а остальными тремя пытался одновременно читать книгу, держать фляжку с водой и почёсывать затылок.

— Глаза, — ответил Финн загадочно. — Под веками они двигаются. Быстро-быстро. Как будто он бежит. От чего-то бежит. Или за чем-то.

— Хрю, — грустно подтвердил Хрю, и в его голосе слышалась такая тоска, что Лира, шагавшая рядом, погладила его по голове.

Ночлег устроили на небольшой лесной поляне. Торвальд сгрузил Кайрона на подстилку из лапника, которую соорудил Финн, и тяжело выдохнул.

— Если он не очнётся завтра, я начну с ним разговаривать. У меня есть методика. Проверено на гномах.

— Какая методика? — заинтересовался Элрик, разводя костёр (на этот раз кресалом, чтобы не спалить полполяны).

— Очень простая, — Торвальд похлопал по топору. — «Целователь черепов» умеет убеждать лучше всяких слов.

— Топором убеждать — это не методика, это угроза, — заметил Говорун, которого поставили рядом с костром, чтобы он немного прогрелся после долгого путешествия на плече. — Хотя, зная некоторых, может и сработать.

Крысислав выпустил Хрю побегать под присмотром Финна, а сам уселся рядом с Кайроном, разглядывая его спящее лицо всеми тремя глазами.

— А почему у него шрамы? — спросил он тихо, ни к кому конкретно не обращаясь. — Не только на груди. На руках тоже. И на шее. Как будто его кто-то царапал. Большими когтями.

— Может, он с драконом дрался, — предположил Элрик мечтательно. — Представляете? Настоящий драконоборец! А мы его нашли и спасли! О нас точно книги напишут!

— Напишут, — проворчал Говорун. — «Элрик Неудачник и его команда приютили сумасшедшего, который видел драконов». Как ты надоел со своей манией о книгах, в которых ты главный герой! Если такую и выпустят, я сожгу все экземпляры лично!

— Почему сразу сожгу? — обиделся Элрик, но развить тему не успел, потому что Кайрон вдруг закричал.

Это был не просто крик — это был вопль, полный такого ужаса, что у присутствующих кровь застыла в жилах. Хрю подскочил на месте и заметался по поляне, жалобно скулит. Крысислав отпрыгнул в сторону, едва не налетев на Говоруна. Финн замер с открытым ртом, а Лира мгновенно выхватила кинжалы.

— Что с ним?! — заорал Элрик, вскакивая.

— Спит! — крикнул в ответ Финн, прислушиваясь к чему-то невидимому. — Он спит! Но ему снится кошмар! Очень страшный!

Кайрон метался на подстилке, не просыпаясь. Его руки сжимались в кулаки, ноги судорожно дёргались, а по лицу градом катился пот. Он что-то бормотал — бессвязно, отрывисто, но отдельные слова можно было разобрать.

— ...огонь... — хрипел он. — ...не надо... они там... дракон... падает... НЕТ!

Последнее слово он выкрикнул так, что птицы в ближайших кустах попадали в обморок, а у Торвальда борода встала дыбом.

— Надо его разбудить! — решил великан, шагнув к Кайрону.

— Нельзя! — Финн преградил ему путь. — Если разбудить резко, он может... может не вернуться. Душа не успеет за телом. Это опасно.

— А если не разбудить? — спросила Лира, не убирая кинжалов.

— Тогда он может умереть от страха, — честно ответил друид. — Во сне. Такое бывает. Деревья рассказывали.

— Деревья, — простонал Говорун. — Опять деревья. Финн, ты бы ещё с поганками посоветовался.

— С поганками нельзя, они глупые, — обиженно ответил Финн. — Только с мухоморами. Но они сейчас спят, поздно уже.

В этот момент произошло нечто, заставившее забыть обо всех спорах.

Кайрон выгнулся дугой, открыл рот в беззвучном крике — и из него вырвалась магическая сила, неизвестного происхождения.

Это было похоже на взрыв невидимой энергии. Воздух вокруг поляны задрожал, заискрился, и вдруг...

— Ой! — пискнул Крысислав, когда прямо над его головой вспыхнул сноп голубых искр.

— Ай! — подпрыгнул Элрик, потому что рядом с его ногой загорелся пучок травы. Правда, горел он странно — синим пламенем, которое не жгло землю, а просто светилось, переливаясь, как северное сияние.

— Мамочки! — заорал Говорун, когда вокруг него закружился целый хоровод светящихся искр. — Я котел! Я не должен светиться! Это неприемливо!

Трава под ногами Кайрона вдруг ярко засветилась, заструилась мягким серебристым светом, а ветки ближайших кустов вспыхнули синим пламенем, которое, впрочем, не обжигало листья — просто окутывало их призрачным сиянием.

— Красиво, — выдохнул Финн, глядя на эту феерию. — Очень красиво. Как светлячки, только большие. И синие. И...

— Финн, не до красоты! — рявкнул Торвальд, пытаясь отмахнуться от искр бородой. Борода, как ни странно, не загоралась, но искры с удовольствием в ней запутывались, создавая эффект новогодней ёлки.

— Надо его успокоить! — крикнула Лира, пытаясь подобраться к Кайрону, но волны силы отбрасывали её назад. — Я не могу подойти!

— Я попробую! — вызвался Финн.

Он шагнул вперёд, раскинул руки и зашептал что-то на языке, которого никто не понимал. Вокруг него закружились зелёные искры — природная магия, которой друид владел от рождения. Они смешались с синим пламенем Кайрона, закружились в странном танце, и на миг показалось, что буря начала стихать.

Но Кайрон снова дёрнулся, и синяя вспышка ударила прямо в Финна.

— Ай! — друид отскочил, тряся рукой. — Больно! Как крапивой! Только сильнее! И холоднее! И... ой!

Он дул на покрасневшую ладонь, на которой уже вздувался небольшой волдырь. Но, несмотря на боль, в глазах его светился научный интерес.

— Никогда не чувствовал такой магии, — сообщил он, разглядывая ожог. — Она не жжёт, как огонь. Она... щиплет. Как будто тысяча маленьких муравьёв кусают. И холодно. Очень холодно. Но внутри — горячо. Как?

— Хватит исследовать! — рявкнул Говорун, который забулькал от страха. — Делайте что-нибудь! Сейчас он всю поляну спалит! А вместе с ней — нас!

— Хрю! — вдруг раздался отчаянный вопль из клетки.

Все обернулись.

Хрю метался по клетке, как безумный. Он бился о прутья, царапал дверцу, выл — не жалобно, как обычно, а по-настоящему, страшно, так, что у слушающих мороз пошёл по коже. В его голосе слышалась не просто тревога — отчаяние. Дикое, первобытное отчаяние, словно умирало самое дорогое, что у него было.

— Он хочет к нему! — догадался Крысислав. — Хрю хочет к Кайрону! Надо выпустить!

— С ума сошёл? — заорал Говорун. — Его там эти искры поджарят!

— А если не выпустить, он умрёт от разрыва сердца! — Крысислав уже возился с замком, ломая его шупальцами. — Я чувствую! Он не переживёт, если с Кайроном что-то случится!

Дверца распахнулась. Хрю вылетел из клетки со скоростью пушечного ядра, промчался по поляне, игнорируя искры, которые сыпались на него со всех сторон, и бросился прямо к Кайрону.

— Нет! — закричала Лира, бросаясь следом.

Но было поздно.

Хрю врезался в грудь Кайрона, прижался к ней всем своим маленьким тельцем и... замер.

Синее пламя, бушевавшее вокруг, вдруг дрогнуло, заколебалось и... начало втягиваться обратно. Медленно, неохотно, но втягиваться — прямо в то место, где Хрю прижимался к груди Кайрона. Искры гасли одна за другой. Трава переставала светиться. Ветки тускнели.

А Хрю... Хрю светился. Тем же самым синим светом, только мягче, теплее, и из его глаз текли слёзы. Самые настоящие слёзы, серебристые, переливающиеся в свете затухающего пламени.

— Смотрите, — выдохнул Элрик, показывая пальцем.

Между Кайроном и Хрю протянулась тонкая серебристая нить. Она пульсировала, переливалась, словно живая, и казалось, что по ней перетекает что-то очень важное — от человека к хрюну и обратно.

— Я вижу магию, — прошептал Элрик, и в его голосе не было обычной восторженности — только благоговейный страх. — Я иногда вижу... когда очень сильно концентрируюсь. И сейчас я вижу это. Нить. Она... она как связь. Как пуповина. Как будто они — привязаны друг к другу.

— Что значит — привязаны? — не понял Торвальд, но топор опустил.

— Не знаю, — честно признался маг. — Но это самая сильная магия, которую я когда-либо видел. И она... она живая. И добрая. Несмотря на весь этот кошмар.

— Добрая, — хмыкнул Говорун, который наконец перестал булькать и трястись. — Добрая магия, которая жжёт всё вокруг синим пламенем. Да, очень добрая. Прямо как моя бабушка, когда я в детстве пригорал.

Кайрон тем временем затих. Его дыхание выровнялось, лицо разгладилось, и он провалился в спокойный, глубокий сон без сновидений. Хрю так и остался лежать у него на груди, тихонько посапывая и изредка вздрагивая. Серебристая нить исчезла так же внезапно, как появилась — просто растаяла в воздухе, оставив после себя только лёгкое свечение.

— Всё, — выдохнул Финн, прислушиваясь к чему-то. — Буря закончилась. Он спит. И Хрю спит. Им обоим нужен отдых.

— А нам? — жалобно спросил Крысислав, у которого от пережитого одно щупальце завязалось узлом, второе дрожало, третье чесало четвёртое, а пятое и шестое просто беспомощно болтались в воздухе. — Нам можно отдыхать?

— Можно, — Торвальд тяжело опустил на землю, положив топор под голову. — Я второй дежурю. Лира, ты первая. Остальные — спать. И чтоб без глупостей. И без магии.

— Я вообще не колдовал! — возмутился Элрик. — Это всё он!

— Тем не менее, — отрезал великан и закрыл глаза. Через минуту он уже храпел так, что деревья вокруг вздрагивали.

Лира бесшумно устроилась на краю поляны, положив кинжалы на колени. Её глаза светились в темноте, как у кошки, и она не смыкала их ни на секунду.

Финн, закутавшись в свой моховой спальник, долго ворочался, бормоча что-то про «нить жизни» и «кармические связи», но в конце концов уснул, прижимая к себе кактус, который тайком выкопал по дороге.

Крысислав, вместо того чтобы спать, достал дневник, который вёл с самого начала путешествия, и принялся записывать события прошедшего дня. Щупальца его дрожали, но писали разборчиво, хотя и с лёгким наклоном влево.

— «...ночь третья, — бормотал он себе под нос, водя огрызком карандаша. — Кайрон метался в бреду. Из него выходила синяя магия. Хрю плакал и светился. Элрик видел нить. Финн обжётся. Говорун ругался. Торвальд храпел. Лира не спала. Я всё записал. Очень важно. Надо будет перечитать и сделать выводы. Выводы я люблю. Особенно если они правильные. А какие правильные? Надо подумать...»

Он думал ещё минут десять, пока его глаза (все три) не начали слипаться, а щупальца — вяло опускаться. Наконец, дневник выпал из одного из них, и Крысислав провалился в сон, светясь ровным голубоватым светом в такт дыханию.

Говорун стоял на краю поляны, прислонённый к пню, и делал вид, что спит. На самом деле он не спал — он думал. О том, что этот Кайрон не так прост. О том, что Хрю явно с ним связан. О том, что Альбертус скрыл от них важную информацию. О том, что Чёрный Купец, наверное, знает больше всех. И о том, что с этой командой он, древний артефакт, доиграется до того, что вляпается в историю, из которой даже крышкой не закроешься.

— Хрю, — тихонько вздохнул во сне Хрю, прижимаясь к Кайрону.

— Спи уже, — проворчал Говорун мысленно и наконец позволил себе задремать.

Утро наступило неожиданно — ворвалось на поляну вместе с первыми лучами солнца, пением птиц и запахом утренней росы.

Кайрон открыл глаза первым.

Он лежал на спине и смотрел в небо, пытаясь понять, где находится и почему у него на груди спит какое-то чешуйчатое существо, которое довольно посапывает и изредка дёргает лапкой.

— А-а-а, — сказал Кайрон внятно. — Что это?

— О! — Крысислав подскочил мгновенно, как будто не спал вовсе, а ждал этого момента. — Ты проснулся! Ты живой! Ты помнишь, кто ты? А помнишь, что было ночью? А помнишь, как из тебя летели искры? А помнишь...

— Крысислав, дай человеку в себя прийти, — Говорун приоткрыл крышку и строго посмотрел на существо. — Кайрон, ты как? Голова не болит? Руки-ноги на месте?

— Голова... — Кайрон осторожно потрогал виски. — Голова! Как будто внутрь кто-то барабаны поставил. И играет. Очень громко. А что случилось? Я помню, как мы шли куда-то... потом темнота... и огонь... много огня... — Он замолчал, пытаясь вспомнить. — А потом ничего. Пустота.

— А про искры? — не унимался Крысислав. — И про синее пламя? И про нить серебристую? Ты правда ничего не помнишь?

— Какую нить? — Кайрон нахмурился, и от этого движения проснулся Хрю.

— Хрю? — удивлённо сказал Хрю, разлепляя глаза. — Хрю-хрю?

— Ты... — Кайрон уставился на существо, которое лежало у него на ногах. — Ты тот самый... из клетки. Маленький. Чешуйчатый. Как ты здесь оказался?

— Он тебя спасал, — подал голос Финн, просыпаясь и протирая глаза. — Всю ночь лежал и грел. И светился. И плакал. Он за тебя переживал.

— Плакал? — Кайрон посмотрел на Хрю с удивлением и... с какой-то странной нежностью, которую сам в себе не ожидал. — Из-за меня?

— Хрю, — скромно подтвердил Хрю и ткнулся мокрым носом ему в подбородок.

Лира, которая всё это время стояла в стороне и молча наблюдала, убрала кинжалы и подошла ближе.

— Ты ничего не помнишь о прошлой ночи? — спросила она прямо, глядя Кайрону в глаза.

— Ничего, — честно ответил тот. — Последнее, что помню — дождь, дорога и... и вы. А потом провал. И огонь во сне. Но это просто сон.

— Просто сон, — повторил Говорун с таким выражением, что даже Элрик понял — это был не просто сон.

— Что? — Кайрон насторожился. — Что случилось?

Команда переглянулась. Торвальд, который только что проснулся и уже успел извлечь из бороды завтрак (вчерашний сухарь и кусочек сыра), хотел было открыть рот, но Лира его опередила.

— Ничего, — сказала она спокойно. — Ты бредил. Кричал. Мы думали, не выживешь. Но Хрю тебя вылечил. А теперь ты жив. Это главное.

— А искры? — не унимался Крысислав. — И синее пламя? И...

— Крысислав, — перебил Говорун тоном, не терпящим возражений, — помолчи. Кайрону нужно отдохнуть. А разговоры о странных явлениях оставим на потом. Когда он поест и придёт в себя.

— Я в порядке, — возразил Кайрон, но тут же поморщился от головной боли. — Ну... почти в порядке.

— Вот и отлично, — кивнул Торвальд. — Завтрак, потом сборы и в путь. Нам ещё до Города Магов топать и топать.

— А что было ночью? — вдруг спросил Кайрон, глядя на Лиру. — Ты не договариваешь. Я чувствую.

Эльфийка встретилась с ним взглядом и выдержала паузу. Потом медленно, очень медленно, покачала головой.

— Потом, — сказала она. — Когда окрепнешь. А пока — ешь и отдыхай. И не задавай вопросов, на которые у нас нет ответов.

— У меня есть вопросы! — восторженно воскликнул Крысислав. — Много вопросов! Можно я их задам? Ну хотя бы несколько? Самых важных?

— Нельзя, — отрезали хором Торвальд, Говорун и Лира.

— Почему? — обиделся Крысислав.

— Потому что, — ответил Говорун таким тоном, что даже Хрю понял — спорить бесполезно.

Кайрон посмотрел на свою разношерстную компанию, на Хрю, который снова забрался на плечо к Лире и довольно жмурился, на Крысислава, который светился от невысказанных вопросов, на Элрика, пытавшегося надеть сапоги на правильные ноги, на Торвальда, поглаживающего бороду, и вдруг... улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он просто. — За то, что не бросили.

— Не за что, — буркнул Говорун. — Мы всех бросаем, кто не хрюкает и не светится. А ты, видимо, теперь будешь и то, и другое. Так что придётся терпеть.

— Хрю! — подтвердил хрюн с плеча Лире.

— Вот видишь, — вздохнул котёл. — Даже он согласен. Так что привыкай, Кайрон. Теперь ты часть этой... нашей команды.

— Команды чудаков, — поправил Финн, довольно жуя мох.

— Команды героев! — возразил Элрик.

— В нашем случае это одно и то же, — философски заметил Торвальд. — Ладно, хватит болтать. Завтрак, сборы и в путь. Нас ждут великие дела.

— И великие неприятности, — добавил Говорун.

— И это тоже, — согласился великан.

Солнце поднималось выше, лес просыпался, и где-то вдалеке уже слышался шум большой дороги, ведущей к Городу Магов.

Глава 7: «Черный Купец делает первый ход»

Утро после ночных событий выдалось на удивление мирным. Солнце ласково золотило верхушки деревьев, птицы заливались на все голоса, а легкий ветерок шевелил листву так нежно, будто извинялся за вчерашний дождь.

— Красота-то какая, — мечтательно протянул Элрик, шагая по широкой лесной дороге и пытаясь одновременно смотреть по сторонам и не наступать на сапоги, которые сегодня снова оказались на разных ногах. — Птички поют, природа просыпается, настроение — лучше не бывает! Вот ради таких моментов и стоит становиться искателем приключений!

— Ради таких моментов стоит становиться поэтом, — проворчал Говорун с плеча Торвальда. — Или пейзажистом. Или просто нормальным человеком, который сидит дома и пьет чай. А мы — искатели приключений — ради таких моментов тащимся неизвестно куда с хрюкающим питомцем и полоумным магом.

— Говорун, ты опять ворчишь, — укоризненно сказал Элрик. — Посмотри, какое небо голубое! Какая травка зеленая! Какие одуванчики пушистые!

Финн, услышав про одуванчики, немедленно свернул с дороги и присел на корточки рядом с целой поляной желтых головок.

— Доброе утро, — серьезно сказал он, обращаясь к ближайшему цветку. — Как спалось? Роса не слишком холодная была? А то я переживал.

Одуванчик, разумеется, ничего не ответил, но Финн удовлетворенно кивнул, выслушав, видимо, целый доклад о цветочных сновидениях.

— Говорит, что этой ночью приходил заяц и чуть не съел их соседа, — сообщил друид команде. — Но сосед оказался горьким, так что все обошлось. Заяц теперь обижен и ходит голодный.

— Я тоже голодный, — немедленно отозвался Торвальд, запуская руку в бороду в поисках завтрака. — Но зайцев есть не буду. Они пушистые. А пушистое жалко.

— А Хрю — пушистый? — немедленно заинтересовался Крысислав, который сегодня нес клетку сразу четырьмя щупальцами, а двумя оставшимися пытался заплетать косички из бороды Торвальда.

— Хрю — чешуйчатый, — авторитетно заявил Говорун. — Чешуя — это не пух. Чешую жалко меньше. Но есть Хрю все равно нельзя. Во-первых, он редкий. Во-вторых, он наш. А в-третьих, он вчера Кайрона с того света вытащил. Такое не забывается.

Кайрон, шагавший чуть поодаль рядом с Лирой, при этих словах слегка покраснел. После ночного происшествия он чувствовал себя намного лучше — головокружение прошло, боль утихла, и только слабость в ногах напоминала о недавней лихорадке. Хрю, которого на время пересадили обратно в клетку, то и дело поглядывал на Кайрона и одобрительно похрюкивал.

— Ты как? — тихо спросила Лира, не глядя на него.

— Нормально, — так же тихо ответил Кайрон. — Ноги немного ватные, но идти могу. И голова... голова теперь не болит. Совсем. Впервые за... не помню сколько.

— Хрю постарался, — Лира кивнула в сторону клетки. — Он вообще странный. Слишком умный для простого зверя.

— А ты сомневаешься, что он просто зверь? — Кайрон посмотрел на эльфийку с интересом.

— Я ни в чем не сомневаюсь, — пожала плечами Лира. — Я просто наблюдаю. И делаю выводы. А выводы такие: этот зверь связан с тобой. И это неспроста.

Кайрон хотел что-то ответить, но не успел — дорога впереди вдруг ожила топотом множества копыт.

— С дороги! — скомандовала Лира мгновенно, хватаясь за кинжалы. — Быстро!

Торвальд уже заслонил собой Элрика, вытаскивая топор, но было поздно — отряд всадников в черном вылетел из-за поворота и через секунду окружил их плотным кольцом.

Всадников было человек десять. Все в одинаковых черных плащах с капюшонами, скрывающими лица, на одинаковых вороных лошадях без единого светлого пятнышка. Они замерли молчаливыми статуями, и только кони нервно перебирали ногами, да позвякивала сбруя.

А вперед, раздвигая строй, выехал тот, кого, судя по всему, стоило опасаться больше всего.

Мужчина был высок, строен и одет с такой элегантностью, что даже Говорун был очень впечатлён. Черный сюртук идеального кроя, белоснежная рубашка с кружевными манжетами, трость с набалдашником из чистого серебра в виде головы ворона. На голове — цилиндр, надвинутый так, что глаза скрывались в тени, но из-под полей поблескивала холодная, расчетливая усмешка.

— Доброе утро, уважаемые путники, — произнес он голосом, сочащимся патокой и фальшивым радушием. — Какая приятная встреча посреди этого дивного, хотя и несколько... захолустного леса. Позвольте составить компанию?

Не дожидаясь ответа, он спешил с грацией танцора и приблизился к команде. От него пахло дорогим одеколоном, деньгами и еще чем-то неуловимо опасным — тем, от чего у Лиры инстинктивно дернулась рука, а Торвальд сжал топор покрепче.

— Корнелиус Вандербильт, к вашим услугам, — мужчина слегка поклонился, приподнимая цилиндр. Из-под него открылось холеное лицо с тонкими чертами, аккуратной эспаньолкой и глазами, в которых плескалась ледяная пустота. — Путешествую по делам, знаете ли. Скука смертная, а тут — компания. Позвольте присоединиться?

— Мы вообще-то спешим, — начал было Торвальд, но Вандербильт уже шел рядом, словно не слыша возражений.

— О, я ненадолго, — заверил он. — Просто захотелось поболтать с живыми людьми, а не со своей охраной. Они, знаете ли, все молчуны. поголовно. Я им приплачиваю, чтобы держали язык за зубами, но иногда это начинает угнетать.

Он рассмеялся — сухо, без тени веселья, и этот смех неприятно кольнул даже Крыси-слава, который обычно не замечал подвоха даже в очевидных вещах.

— Красивое утро, не правда ли? — продолжал Вандербильт, идя рядом с Элриком (маг почему-то оказался крайним). — Люблю лес в это время. Особенно когда птички поют. Вы любите птичек?

— Э-э-э... да, — растерянно ответил Элрик. — Они... поют. Хорошо. Полезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.